

ЛЯНА ЗЕЛИНСКАЯ

ЮЖНАЯ

Роза

Чайные истории

Ляна Зелинская

Южная роза

«Ляна Зелинская»

2022

Зелинская Л.

Южная роза / Л. Зелинская — «Ляна Зелинская»,
2022 — (Чайные истории)

Его зовут Александр Форстер. Он северянин, горец, владелец несметных овечьих стад. Житель страны, в которой всё ещё есть место магии. Человек, презирающий южные традиции и церемонии. Он считает, что всё в этом мире продаётся – дело только в цене. Её зовут Габриэль Миранди. Она южанка, аристократка, утончённая особа, владелица прекрасного розового сада. Она верит в силу традиций, и в то, что уважение к себе нельзя купить ни за какие деньги. Их встреча была случайной. И они прошли бы мимо друг друга. Но он сказал, что женские принципы продаются за дюжину шляпок... Зря он это сказал.

© Зелинская Л., 2022

© Ляна Зелинская, 2022

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Глава 5	34
Глава 6	42
Глава 7	48
Глава 8	58
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Ляна Зелинская

Южная роза

Часть 1

Северный ветер в южном саду

Глава 1

О том, нужно ли верить в гадание

Габриэль в гадания не верила.

Конечно, совсем отрицать, что в этом ничего нет, она бы не стала, но из тех случаев, когда гадали ей так ни разу ничего и не сбылось. И она сама бы никогда не зашла в красный шатёр гадалки, если бы не настойчивость её кузины Франчески, которая безоговорочно доверяла любым приметам и предсказаниям. Так что сюда, на осеннюю ярмарку близ Кастиеры, именно она притащила Габриэль, ради этого выцветшего от времени шатра с замызганным пологом и гирляндой колокольчиков, которыми обычно украшают шеи мармиерских коз.

– Элла, я боюсь! – прошептала Франческа, сжимая в руках маленький атласный ридикюль, когда они уже почти готовы были войти внутрь.

Её серые глаза блестели от возбуждения и страха, и она то терзала сумочку, то поправляла рыжие локоны, выбившиеся из-под шляпки, и умоляюще смотрела на кузину.

– И чего же ты боишься? – улыбнулась Габриэль.

– Ну, знаешь, мало ли... Вдруг то, что она расскажет, на самом деле сбудется?

– Фрэнни! – рассмеялась Габриэль, закрывая лицо руками. – Ты идёшь, чтобы узнать правду? Или чтобы она тебе солгала? Но, если ты не хочешь знать правды, зачем вообще тогда идти?

– Нет, я, конечно, хочу узнать правду! Но... а вдруг, это будет какая-то плохая правда?

– Правда не бывает ни плохой, ни хорошей, Фрэн, – Габриэль коснулась руки кузины, – но, если ты боишься узнать будущее – тогда не ходи.

– Но... я хочу узнать! Неужели тебе не интересно услышать, что она скажет? Вот только, я боюсь, что это будет какое-нибудь... страшное будущее...

Габриэль покачала головой и спросила с улыбкой:

– «Страшное будущее»? Фрэнни! Ты сама себя запугиваешь! Что нового ты надеешься там услышать? Какую правду? Это же очередная шарлатанка! Хочешь, за два сольдо я угадаю, что она тебе скажет?

– Сингара берёт дороже двух сольдо! – робко улыбнулась Франческа в ответ.

– Ну, так у меня нет ни шатра, ни сушёных куриных лап, поэтому я и беру дёшево!

– Элла! – укоризненно воскликнула Франческа, глядя в голубые глаза кузины.

Габриэль склонила голову на бок и, манерно отбросив веер, произнесла, подражая говору странствующих артистов из Базильи:

– *«О! Тебя ждёт удивительная судьба, дитя! Полная тайн и приключений! Очень скоро в твоём окружении появится загадочный и прекрасный незнакомец...»*

«Но... а как же некий капитан?»

«Капитан, дитя? Ах, да! Вижу я человека в мундире... Но он в отдалении... Ты ещё не решила...»

«А страдания? Будут ли они?»

«О да! Ты будешь терзаться сомнениями... Будешь выбирать, дитя! Они оба красивы и богаты, и каждый будет просить твоей руки...»

«Ах! Но как скоро?»

«Скоро, дитя! Едва снег укроет бока Червино, ты уже будешь танцевать невестой...»

Габриэль так мастерски изобразила этот диалог в лицах, что Франческа прыснула со смеху, прячась за большим шёлковым веером.

– Элла! Ну как ты можешь! – она приложила к губам палец, указывая глазами на полог шатра. – Нас могут услышать! И откуда тебе знать, что она именно так и скажет?

– Франческа, дорогая, – произнесла Габриэль, понизив голос, – все гадалки говорят девушкам то, что те хотят слышать, а именно: ты выйдешь замуж за прекрасного богатого незнакомца и очень скоро. А ещё, что тебя ждут тайны и приключения, ну и всё то, что обычно пишут в романах. Ты знаешь хоть одну девушку, которой гадалка сказала бы что-то другое?

– А как же Беатрис? Ей нагадали, что она выйдет замуж за рыжего иноземца с веснушками. И ведь её Патрика никто тогда не видел и не знал, а она и правда вышла за него, – прошептала Франческа, поправляя рюши на платье и собираясь с духом.

– Это всё потому, что, когда она впервые увидела его рыжие волосы и веснушки, то упала в обморок ему прямо на руки из-за этого гадания – ответила Габриэль со смешком, – и что ему оставалось делать? Только жениться!

– Иногда мне кажется, что в тебе нет ни капли романтики, – вздохнула Франческа, – неужели тебе ну вот совсем не интересно, а вдруг ты встретишь будущего мужа на свадебном балу у Таливерда? Я даже почти уверена, что так и будет!

– Почему ты уверена, что так и будет? – спросила Габриэль.

– Потому что три девушки из пяти находят мужей именно на свадьбах, – ответила Фрэн серьёзно.

– И кто это сказал?

– Это... неважно, но это так.

– Ну, значит я четвёртая. Или пятая, – усмехнулась Габриэль.

– Никакая ты не пятая. А у Таливерда соберутся на свадьбу все-все-все! Все самые завидные женихи, – Франческа наклонилась к уху Габриэль и прошептала, – я уверена, «едва снег укроет бока Червино, ты уже будешь танцевать невестой».

Свадебную церемонию дочери синьора Таливерда назначили на следующую неделю в канун Дня Пречистой Девы. И это событие должно было стать самым грандиозным, наверное, за всю историю Кастиеры.

И, разумеется, никого не удивило, что Антонио Таливерда решил перенести празднество в предместье Алерты – в маленький прибрежный городок. Не в меру жаркое лето превратило столицу в раскалённую сковороду. И хотя уже целый месяц на улице стояла осень, зной всё равно уходил слишком медленно. Измученная жарой, иссушенная южным ветром и пропылённая до последней простыни в альковах столица была почти пуста. Зато светское общество Кастиеры ликовало. Никогда ещё здесь не видели такой насыщенной праздниками и балами летней жизни, как в этом году. А свадьба синьорины Таливерда должна была стать апофеозом сезона, да и, пожалуй, вообще всей летописи этого маленького городка. Невеста предпочла провести торжество под открытым небом в садах загородного поместья отца. И к такому знаменательному событию даже небольшой кастиерский храм был отремонтирован от фундамента до купола, на что синьор Таливерда, как говорят, пожертвовал немалую сумму. Но, если газетные менестрели не лгали – а они, конечно же, лгать не могли – Бланка Таливерда стояла того, чтобы выложить даже чистым мрамором дорогу из её дома в храм.

Празднество ожидалось небывалого масштаба с огромным количеством гостей из всех уголков страны. Но самое главное было в другом: месяц назад Франческе исполнилось восемнадцать лет, а значит – и в этом она была абсолютно уверена – этой осенью она непременно

должна получить предложение руки и сердца. И очень надеялась, что и её кузину Габриэль постигнет такая же счастливая участь. Вот почему они оказались у шатра гадалки.

Габриэль была старше и красивее Франчески и принадлежала к *бари* из древнего рода Миранди, но семья её была бедна, а после смерти синьоры Миранди отец Габриэль – человек непрактичный и увлечённый только наукой – вёл дела из рук вон плохо. Настолько плохо, что эта осень для их семьи в Кастиере должна была стать последней.

Синьор Миранди заложил дом и землю, чтобы вложить средства в строительство южной рокады и хоть как-то покрыть долги, а на зиму его друг любезно обещал предоставить им комнаты в Алерте, где синьор Миранди надеялся возобновить исследовательскую работу в университете и начать преподавать. Стоило ли говорить, что предложения руки и сердца молодые люди из семей *бари* делать Габриэль не торопились, а иных предложений не рассматривал её отец.

И поэтому Франческа, которая хотела видеть свою кузину замужней дамой, очень надеялась, что на свадебном балу у Таливерда той всё-таки улыбнётся удача. Ещё в детстве они поклялись друг другу в том, что Габриэль выйдет замуж первой. И хотя детская клятва теперь казалась смешной, но всякий раз Франческа испытывала неловкость от осознания того, что её кузина, возможно, так и останется старой девой. Или, что гораздо хуже, совершит мезальянс и выйдет замуж за какого-нибудь кастиерского лавочника или негоцианта. Как тогда они смогут видеться? Разве пригласишь её в свой дом с таким-то мужем?

– Пойдём со мной? – спросила Франческа тихо. – Не хочешь – она не будет тебе гадать, ты просто посидишь рядом. Ну, пожалуйста?

– Ладно. Но не обещаю, что не буду смеяться, когда она скажет про то, что «очень скоро в твоём окружении появится загадочный и прекрасный незнакомец», – произнесла Габриэль, зажав нос пальцами и растягивая гласные.

– Элла!

– Я подбадриваю тебя, дорогая, чтобы тебе не было страшно. Ладно, пойдём. Покончим быстрее со всем этим фарсом.

Колокольчики от прикосновения к пологу издали тоскливый хриловатый звук, и девушки нырнули в душное нутро шатра. Было сумрачно, и после назойливой круговерти ярмарки как-то даже слишком тихо, словно они ступили в густой туман или в кокон из ваты. Внутри шатра в трёх жаровнях курился сладковатый дым, горели свечи в глиняных плошках и ароматы нарда, кардамона и сандарского кедра смешивались, поднимаясь вверх к отверстию в куполе. У Габриэль даже голова закружилась от этих запахов и духоты.

Гадалка сидела на старом ковре в окружении дюжины шёлковых подушек таких же замызганных и потёртых, как и полог на входе. И, судя по вышитому на них геральдическому узору с лилиями, принадлежали они когда-то одной довольно известной семье. В какой-то мере это давало понять, что хозяйка шатра если уж и шарлатанка, то очень умелая, раз её услугами пользовался кто-то из дома синьора Грайдоне. А раз её пустили в такой достойный дом, то, наверное, у неё всё же есть какая-то репутация и врать она будет очень искусно. Хотя, может, эти подушки она украла – такое тоже нельзя было исключить, и, подумав об этом, Габриэль прижала к себе сумочку плотнее.

Впечатление на девушек гадалка произвела жутковатое.

Её коричневая от загара кожа, покрытая сеткой мелких морщин, говорила о том, что она разменяла не меньше, чем шестой десяток лет. Оттого глаза её, не по возрасту молодые, тёмные, как спелые черешни, и густо подведённые угольным карандашом, пугали своим контрастом. Они впились в девушек цепко, окинув с ног до головы, словно оценивая, с какой суммой готовы будут расстаться эти юные прелестницы. Из-под украшенного золотой нитью платка свисали пряди чёрных волос, подёрнутых редкой сединой, а серьги-кольца были настолько

огромными, что, растянув мочки ушей, оставили в местах проколов огромные дыры. Габриэль даже показалось, что в такую дыру, наверное, поместился бы её мизинец.

И едва она подумала об этом, как тут же почувствовала ледяные пальцы Франчески, впившиеся в её ладонь. Похоже, кухня уже готова была удариться в бегство.

Гадалка вынула изо рта трубку с табаком и, указав рукой, унизированной кольцами из чёрного серебра, на коврик напротив, произнесла чуть хрипловато:

– Синьорины... прошу, присаживайтесь.

За плечом гадалки на шесте восседала сова. Она безразлично смотрела на вошедших круглыми пустыми глазами и лишь изредка поворачивала голову то влево, то вправо, слыша, видимо, в глухом ярмарочном ворчании за пределами шатра что-то своё, неподвластное человеческому уху.

Девушки опустили на две тонких подушки, лежавшие поверх коврика, и между ними и гадалкой осталось лишь небольшое расстояние, разделённое низким круглым столиком. Некогда блестящая лаковая поверхность его давно потрескалась то ли от воды, то ли от жара, и вся была исцарапана стоявшим здесь же бронзовым треножником в виде черепахи, на спине которой курилась чаша с благовониями. Судя по гербу, проглядывавшему сквозь изувеченный лак, столик этот был весьма дорогим и некогда тоже принадлежал одной из почётных семей Алерты.

В морщинистых пальцах гадалки из ниоткуда вдруг возникли карты, и она перетасовала их с ловкостью заправского фокусника, не сводя при этом глаз с притихших девушек.

– Возьми карту, – обратилась она к Франческе, тряхнула колодой, и та рассыпалась вее-ром на столе, – вижу, у тебя есть вопросы.

Руки у Франчески тряслись, она долго думала прежде чем выбрать, но карта оказалась не роковой и не зловещей. Всего лишь Огненная десятка. И, прищурив один глаз, Сингара произнесла:

– Твоё гадание будет стоить тридцать сольдо.

Франческа поспешно кивнула, соглашаясь, и гадалка перевела взгляд на Габриэль.

– Теперь ты.

– Мне не нужно гадать, – ответила она спокойно.

– Ты не хочешь, чтобы я рассказала, сбудется ли то, чего ты ждёшь? – спросила гадалка, чуть качнув серьгами.

– Я ничего не жду. И не верю в гадания. Простите. Надеюсь, вы не обидитесь.

Сингара снова взяла трубку, затянулась, выпуская дым ноздрями, отчего стала похожей на мифического дракона. Она некоторое время молча рассматривала Габриэль, и этот взгляд был неприятным, словно под рёбрами кто-то потянул за невидимую нить, затягивая сердце удавкой. Но длилось это недолго, гадалка щёлкнула пальцами и кивнула, указывая на столик:

– Ничего не ждёшь? Хм-хм. Возьми карту. Тебе я погадаю бесплатно. А через год я буду в этом же месте, в этом же шатре, и если то, что я тебе скажу, не сбудется, ты сможешь прийти и забрать у меня тридцать сольдо твоей подруги. А если сбудется, – гадалка прищурилась, – сама решишь нужно ли заплатить.

– Это весьма щедро и неожиданно, но зачем, если я не верю в гадания? – пожала плечами Габриэль.

– Так, может, пришло время испытать твою веру на прочность? Возьми карту, – тёмные глаза Сингары поблёскивали и словно насмехались, а может, это просто так казалось из-за дыма.

Франческа сжала руку кухни, словно говоря – возьми уже эту треклятую карту! И, повинаясь совершенно непонятному порыву, наверное, потому, что насмешка гадалки была вызовом, а вызовов Габриэль не любила и не боялась, она взяла ту, что лежала с краю и перевернула – Орёл.

– Возьми ещё, – гадалка смотрела внимательно.

На второй карте оказался Лев.

Сингара снова отложила трубку, взяла первую карту из середины веера и бросила между ними – Стрела.

– Ну, что же, синьорина, которая не верит картам, тебя ждёт удивительная судьба, – произнесла, чуть подняв правую бровь, – полная тайн и приключений. Очень скоро в твоём окружении появится загадочный незнакомец...

Сова внезапно раскинула крылья, взмахнула ими несколько раз, заставив заплескаться пламя свечей и дым в жаровнях. Франческа вздрогнула и с силой стиснула пальцы кузины, словно умоляя – только молчи! Но Габриэль молчать не стала.

– А как же капитан? – спросила она с деланным удивлением, переведя взгляд с совы на гадалку, и её левая бровь чуть взметнулась вверх.

Сингара прищурилась, её губы то ли скривились, удерживая мундштук, то ли это была усмешка, но она достала ещё одну карту и, бросив поверх остальных, произнесла, не сводя глаз с Габриэль:

– Хм... Ах, капитан... Да, да. Вижу я человека в мундире! Но он в отдалении... Пока что... Ты будешь решать... Будешь терзаться сомнениями... Будешь выбирать... Они оба красивые и богаты, и каждый будет просить твоей руки...

И её слова, и интонации точь-в-точь повторили то, что девушки обсуждали у входа в шатёр.

– Думаю, достаточно этого фарса, – ответила Габриэль резко и встала.

Франческа вскочила следом, но выбежала из шатра первой, а Габриэль замерла у входа, обернулась и добавила, глядя на непроницаемое лицо гадалки:

– Извините за мою бестактность. Я понимаю, что вы слышали наш разговор. Мне жаль.

Гадалка чуть качнулась, подалась вперёд и произнесла, вынув изо рта трубку:

– А твоей подруге скажи, что тот, кого она встретит в ближайшее время, не пара ей вовсе. Хотя она будет влюблена и тебя не слушает, конечно. Но он плохой человек и бросит её прямо перед свадьбой. А муж её будет старше и совсем некрасив, но она найдёт с ним своё счастье...

Габриэль вышла из шатра, не дослушав. Что бы ни сказала гадалка дальше, Фрэнни не стоит этого знать. Она ведь верит во всю эту чушь и будет терзаться сомнениями, а мысль, что её могут бросить у алтаря, и вовсе отравит ей весь праздник.

– Ах, Элла, ну как же неудобно вышло! – Франческа едва не плакала.

– Ну, что поделаешь, я же не думала, что у неё слух, как у её совы. А может, это всё и есть сова? – усмехнулась Габриэль. – Подслушала наш разговор и нашептала ей... Или я была права, Фрэн, и у всех гадалок это заученная история и всем они говорят одно и то же. Но ты, если хочешь, можешь зайти в другой шатёр. Как видишь, тут их целых три.

– Нет! У меня до сих пор мурашки от того, что она тебе говорила, – Франческа достала флакон с апельсиновым маслом и понюхала, – мне даже дурно стало. Что она сказала тебе напоследок?

– *«Едва снег укроет бока Червино, ты уже будешь танцевать невестой...»*, – усмехнулась Габриэль, – Фрэн? Ну, что ещё она могла сказать! Забудь.

– Ладно. Идём, купим цукатов. Что-то мне расхотелось гадать сегодня и хочется сладкого. Какая-то слишком жуткая была эта сова, и вообще... Давай сходим завтра к другой гадалке?

– Чтобы снова послушать про таинственного незнакомца и капитана? Ну уж нет! – махнула рукой Габриэль. – И к тому же завтра я занята: отец просил помочь упаковать амфоры для музея и его книги, ты же помнишь, что мы скоро уедем отсюда.

– Пусть Кармэла упакует, эта работа для слуг! Ну, Габриэль? Я боюсь идти одна!

– У Кармэлы вечно всё из рук валится, а этим амфорам тысяча лет, между прочим, а ну как она их разобьёт? А она их разобьёт – и гадать не надо! Отца хватит удар, и никаких сердечных капель не напасёшься.

Франческа пыталась уговорить кузину, пока они шли меж рядами фруктового рынка, разглядывая пирамидки из апельсинов, лимонов и персиков, трогая их и спрашивая цену, но Габриэль была непреклонна.

Где-то в глубине души слова гадалки оставили неприятный осадок. Даже не слова, а тон её голоса, взгляд и насмешка, будто Сингара, и правда, увидела что-то скрытое от посторонних глаз, причём без всяких карт. И это ощущение было навязчивым, как осенняя паутина, что летала повсюду, гонимая ветром, и липла на шляпки, зонтики и веера и которую счистить было не так уж и просто. Но Габриэль знала средство, как отделаться от неприятных мыслей. С тех пор, как она стала заботиться об их небольшом доме после смерти синьоры Миранди, в голове постоянно вертелись сотни повседневных дел, о которых нельзя было забывать. Вот и сейчас она стала перебирать в уме, что нужно успеть сделать: послать Кармэлу за соломой для амфор, купить корня солодки – отец третий день кашлял и надо сварить сироп, а ещё вернуть корзину кухаркам синьоры Беаты, отдать деньги молочнику и забрать у портнихи платье...

...платье к свадебному балу.

Праздник продлится три дня, и все девушки готовятся к нему уже больше месяца, и за эти дни они сменяют не меньше шести нарядов, но у Габриэль новое платье будет только одно. Больше обнов, к сожалению, их скудный семейный бюджет позволить себе не мог. И хотя, конечно, как и любой девушке ей хотелось блеснуть на балу в обворожительных платьях из шёлковой тафты и кружев, таких, например, как привезла для себя кузина Франческа из Алерты, но, увы...

Эта мысль окончательно отодвинула в дальний угол неприятный осадок от встречи с гадалкой, и, купив цукаты, девушки двинулись вверх по ступеням гранитной лестницы туда, где стояли коляски, на которых за пару сольдо можно было доехать до Верхней Кастиеры.

Габриэль напоследок оглянулась на красный шатёр Сингары и подумала, что не стоит больше Фрэнни ходить к гадалкам.

Глава 2

В которой гости собираются на свадьбу

Дорога на виллу «Роза Боско», обрамлённая тёмными пиками кипарисов, шла по самому краю обрыва среди живописных красот Верхней Кастьеры. Внизу раскинулось море, отделённое от по-осеннему ярко-синего неба лишь белёсой дымкой облаков над горизонтом. От причала вверх по склону взбирались ступенями террас жилые кварталы Нижнего города, с высоты казавшиеся мозаичной спиной огромной ящерицы. Черепичные крыши домов всех оттенков терракоты, перемежаясь драгоценными чешуйками храмовых колоколен и слюдяными блюдами фонтанов, мирно дремали внизу под тёплым утренним солнцем. Коляску слегка потряхивало на мощёной булыжником дороге, но беседе двух друзей, приглашённых на свадьбу синьорины Таливерда, это никак не мешало. Точнее сказать, приглашённым из них был только один – синьор Винсент Грассо, мужчина средних лет, с мягкими чертами лица и светлыми волосами, стянутыми позади широкой атласной лентой. Он был одет в чёрный фрак и крахмальную рубашку с шёлковым галстуком, как и полагается гостям на свадебном балу. Тут же лежали его трость и шляпа, а напротив – большая коробка, упакованная в бежевую бумагу и перевязанная лентами – подарок учтивости, предназначенный матери невесты.

Спутника синьора Грассо звали мессир Александр Форстер и в число приглашённых гостей он не входил. Впрочем, при его репутации вряд ли он вообще смог бы переступить порог такого знатного дома. Но сегодня это оказалось возможным, поскольку синьор Грассо был близок брачующейся семье, и это позволило ему привести на торжество мессира Форстера под вполне благовидным предлогом – обсудить деловые интересы семьи Таливерда. По облику мессира Форстера можно было сразу сказать, что человек он приезжий, более того – горец и северянин. Тёмные волосы не были собраны сзади, как принято у южан, а были острижены коротко. Высокий лоб, нос с горбинкой и глубоко посаженные синие глаза – черты его лица отличались некоторой резкостью. И хотя одет он был столь же безупречно, как и его друг, но именно рядом с синьором Грассо и на контрасте с его мягкой улыбкой и карими глазами лицо Александра Форстера казалось немного хищным, словно в нём отпечатались черты геральдического беркута – символа его родины – горной Трамантии.

Кучер лошадь не торопил. И разговор двух друзей шёл неспешно, ведь не виделись они несколько лет, и сегодня им было о чём поговорить.

– Послушай, Алекс, не буду тебя обманывать, но не могу поручиться за то, что твоё предложение выслушает сам Антонио Таливерда, – произнёс синьор Грассо негромко, – возможно, у нас ничего и не получится с Торговой палатой. Ты должен быть к этому готов. И на этот случай я хотел спросить – у тебя есть ещё какой-нибудь способ отстоять свои земли? – коляска повернула вправо, солнце ударило в глаза, и Винсент прищурился. – Ты же бывший королевский офицер, если написать в министерство – была ведь амнистия – неужели они не учтут твои боевые заслуги?

– Эх, Винс, если бы был другой способ... – Александр вздохнул, мрачно разглядывая голубую дымку моря, и продолжил: – ... но, поверь, с моей репутацией... министерство не станет вмешиваться. А когда этот проклятый закон об экспроприации примут, а его примут непременно, так вот в тот же день я лишусь всех своих земель как наследник бунтовщика. Всем плевать, что я бывший королевский офицер, плевать, что я воевал в Бурдасе и был ранен во славу Его Величества... – он горько усмехнулся, сделал паузу, и продолжил: – Семейные рудники – слишком лакомый кусок. А предлог хоть куда – на момент восстания земли принадлежали моему отцу, а он был на стороне повстанцев. Сам понимаешь, чем не повод всё отнять у его законопослушного сына? Именно для того и пишутся такие законы, Винс. Так что, увы, – он развёл руками, – для меня спасением осталась только эта лазейка, что закон не

касается поставщиков для нужд армии. Войти в Торговую палату и стать таким поставщиком – единственный для меня выход. Армия нуждается в шерсти, а чем плоха шерсть моих овец?

– Да пусть твои овцы хоть трижды покрыты золотым руном! – возразил синьор Грассо. – Ты же понимаешь, что войти в Торговую палату можно лишь по родству? Ну или по какой-то невероятной протекции. Пусть это и негласное правило, но уж оно-то соблюдается в Баркирре чётко, – а потом добавил, чуть смягчившись, – я очень надеюсь, что смогу тебе с этим помочь. Но, положи руку на сердце, слабо в это верю.

– Знаешь, если я что-то и понял, став волею судьбы овцезаводчиком, так это то, что деньги делают размытыми границы любых правил, – усмехнулся Александр, посмотрев на друга искоса, – и я готов заплатить. Сколько скажут. Я буду молчать и платить каждому из этих чванливых южан, если понадобится, но я не позволю забрать у нас Волхард.

Винсент покачал головой и ответил с улыбкой:

– Ты забываешь, что я тоже «чванливый южанин»...

– Винс, ты прекрасно понимаешь, кого я имею ввиду.

– А ты мало изменился с тех пор, как мы служили в Бурдасе. Всё также считаешь, что упорство города берёт? – покачал головой синьор Грассо. – Хотя, конечно, ты ведь наполовину горец, а все горцы упрямы, как быки. Это, может, и хорошо, но... ты совсем не знаешь южан.

– Ты бы тоже стал упрямым, если бы кто-то захотел забрать твой дом, – перебил его Форстер, – и я достаточно знаком с этим обществом снобов и бездельников. Послушай, может, мы обойдёмся без церемоний? Вся эта свадьба... Торчать здесь три дня и смотреть на то, как все шаркают друг перед другом ножкой и кичатся родовой кровью? Увольте! Может, ты просто познакомишь меня с Таливерда, мы быстро переговорим, и я уеду, чтобы не смущать это южное розовое суфле моим неаристократичным видом?

– Вид у тебя вполне даже аристократичный, – улыбнулся Винсент, – и я тебя понимаю, но... так нельзя. Ещё раз говорю тебе – это юг. Здесь так не принято. Никто даже говорить с тобой не станет, если ты начнёшь пренебрегать приличиями и церемониями. А Таливерда даже не взглянет на тебя. Он – герцог, его древний род стоит по правую руку от трона, а когда короля нет в поле зрения, то, считай, что Антонио – сам король. Даже чтобы подойти к нему и представиться нам надо будет заручиться поддержкой синьора Дамазо с одной стороны и синьоры Арджилли с другой. И когда каждый из них подтвердит твою благонадёжность, только тогда Таливерда уделит тебе внимание.

Форстер пожал плечами и спросил с сомнением:

– Столько усилий ради того, чтобы просто выслушать меня?

– Именно! И даже хорошо, что свадьба будет продолжаться три дня, этого времени хватит на всё. Уж поверь, здесь о делах дозволяется говорить лишь после обсуждения погоды, здоровья всех родственников, всех свадеб и похорон, и только после первых десяти танцев, иначе дамам будет уделено слишком мало внимания. А дамы – это авангард южных традиций. Понравишься южным женщинам – считай половину лестницы в Торговую палату ты уже прошёл.

– Нравиться женщинам не так уж и трудно, Винс. Если это всё, что от меня требуется, то я взнуздаю себя и буду шаркать ножкой столько, сколько нужно, – мрачно ответил Форстер.

– А вот тут я бы тебя поправил. Нравиться женщинам-южанкам невероятно трудно. Особенно с таким вот трагичным лицом, как у тебя. И мой тебе первый совет – никаких трагедий, – сказал Винсент серьёзным тоном, – при дамах не говори ничего мрачного, серьёзного или того, над чем надо думать. Никакой политики. Никаких проблем. Только милые любезности. Ты ведь можешь?

Форстер бросил на друга короткий взгляд, и постучав костяшками пальцев по ручке трости, ответил с усмешкой:

– Никаких трагедий не будет. Обещаю.

Коляска прокатилась по подъездной аллее и остановилась у входного портика, украшенного гирляндами белых роз. Две шеренги ливрейных слуг, скрипачи, красные ковры на гранитных ступенях и хрустальные бокалы с игристым вином встречали прибывающих гостей. Винсент выбрался из коляски первым, одёрнул фрак, поправил галстук и протянул распорядителю карточку со словами:

– Господин Форстер со мной.

Они прихватили по бокалу вина и, пройдя сквозь ряды мраморных колонн и крытую галерею, вышли в чудесный террасный парк. Среди белых шатров и пергол, увитых виноградом, уже сновали слуги и надушенные гости дефилировали по тенистым аллеям вдоль пруда.

– Неплохо живёт его светлость герцог Таливерда, – произнёс Форстер, окидывая взглядом прекрасный дворец в центре парка.

– О, да! И вот тебе второй совет: помни, то, что ты находишься здесь – это большая честь. В том смысле, что у тебя это должно быть написано на лице. Кстати, вон и синьора Грация Арджилли. С ней мы, пожалуй, и начнём, – произнёс Винсент, указывая на одну из пожилых дам в лиловом шёлке, – она первая, кому ты должен понравиться безоговорочно.

– Мог бы и предупредить заранее, что «грации» больше трёхсот лет. И какая польза от знакомства с этой старушкой? – усмехнулся Форстер.

– Она – *бари*. Из рода самого короля, – тихо ответил Винсент. – Её слова для Таливерда достаточно, чтобы он стал смотреть на тебя, как на человека своего круга. А слова Дамазо достаточно, чтобы видеть в тебе делового партнёра. А моего слова – чтобы подтвердить, что мундир королевского офицера ты носил с достоинством и честью, а разжаловали тебя за сущую ерунду. На этом треугольнике и будет держаться фундамент твоей репутации.

– Не понимаю, почему для южан так важно *бари* ты или нет? Где логика, мой друг? – спросил Форстер, отдавая бокал слуге. – Если титул и деньги наследуются только по мужской линии, то какая разница? Почему так важно принадлежать к *бари*?

– Чистота крови, мой друг, превыше всего. Древняя кровь иной раз ценнее титула и денег. А она наследуется только по женской линии от самых первых семей, населивших Баркирру. Иногда этого достаточно, чтобы открыть любую дверь.

– Хм. Ну и как мне завоевать сердце этой суровой старушки? – спросил Форстер, внимательно разглядывая Грацию Арджилли.

– Удиви её чем-нибудь. Она это любит. И, кстати, не вздумай назвать её старушкой, – Винсент принялся мягко наставлять друга, – если она сама говорит о себе, что слишком стара, то это не значит, что такое позволительно другим. Синьора Арджилли очень образована и умна. У неё столько негласной власти здесь, что, если захочет, она может утопить и возвысить любого всего-то парой фраз. Но она очень любит играть в милую забывчивую старую синьору. И, самое главное, считай, что это третий совет: ни при ней, ни при ком другом не вздумай обсуждать Восстание Зелёных плащей! И если кто-то будет говорить об этом или спрашивать твоё мнение – нет у тебя мнения на этот счёт, ты понял?

– Винс, я же не дурак. И хотя бродить с бокалом вина среди тех, кто вздёрнул на виселицу моего отца, сжёг мой дом и оставил без средств к существованию мать и сестру – это не то, о чём я мечтал, проливая кровь за Его Величество, – сдержанно ответил Форстер, – но, поверь, я давно понял, что лучшая месть этим людям – заставить их платить золотом. Так что я буду улыбаться и шаркать ножкой, как и обещал. Не надо меня поучать – я знаю, как надо себя вести.

– Я сказал, что ты не изменился – признаю, я ошибся, – усмехнулся Винсент, – никогда не забуду, как в Бурдасе ты пошёл с голыми руками на льва, чтобы меня спасти... Что стало с тем Александром, которого я знал? Ты больше не творишь безумств? Держишь язык за зубами, носишь тройку и стал фермером?

Форстер посмотрел на друга, и на краткое мгновение синие глаза его блеснули недобро, но он лишь неопределённо пожал плечами и ответил спокойно, разглядывая группу женщин, окружавших синьору Арджилли:

– Это в прошлом, Винс. Безумства простительны свободным людям. Тем, кому нечего терять. А я теперь связан обязательствами, как цепями, – сквозь безразличие в его голосе проскользнула горечь, – и хоть я всеми фибрами моей души ненавижу собравшихся здесь сторонников метрополии, но я смогу добиться того, что мне нужно – я заставлю их меня полюбить. И в итоге – платить золотом.

Синьор Грассо посмотрел на друга, на складку, что залегла у того меж бровей, и подумал – ничего у них не получится. Ненависть, что тлеет в душе этого человека, всё ещё очень сильна, а гордость и упрямство, которыми всегда обладал Форстер, не дадут ему быть гибким. Не сможет он врасти в местное общество так, чтобы это общество не заметило в нём глубоко скрытого презрения. Ведь северяне должны знать своё место, и гордость для них – непозволительная роскошь. А Форстер не из тех, кому можно спокойно указывать на это место, и ждать, что он станет приносить в зубах домашние туфли и газету.

– Послушай, Алекс, они никогда тебя не полюбят, – ответил Винсент тихо, покачивая головой, – они не будут считать тебя ровней. Для них ты только дерзкий выскочка с севера. Пусть и состоятельный, но второй сорт. Поэтому запомни – и этой мой четвёртый совет – главное: они должны видеть твою покорность. Ты же хочешь войти в Торговую палату? Хочешь стать поставщиком для нужд армии? Думай лишь об этом. И о том, что это возможно только через синьора Таливерда. А для этого ты должен впечатлить его дочь, зятя, жену, его любовницу, болонку его любовницы и даже кучера его любовницы. А ещё синьору Арджилли и синьора Домазо и их болонок и кучеров. Так что достань из сундука свои манеры. Я помню, что они у тебя были... когда-то. С тебя десять танцев, пунш для дам, игра в шарады, безупречная вежливость и традиционные комплименты. А ещё – глухота и слепота к насмешкам, которые будут за твоей спиной, а они обязательно будут! Тебе и не нужна их любовь, мой друг. Тебе нужна лишь бумага. Ты сказал – всё решают деньги, и это так. Просто терпи их презрение молча – и всё получится.

– А тебе бы пошла лиловая ряса и кадило, – усмехнулся Форстер, – ты просто рождён наставлять заблудшие души на путь истинный. Ладно. «Обещаю, святой отец, я буду смиренно следовать всем заповедям. Аминь!»

Винсент пропустил его сарказм мимо ушей.

– И, кстати, ещё совет – побольше танцуй с дурнушками. Поверь, это зачтётся в копилку твоей репутации золотыми ливрами.

– Может, мне ещё надеть рубище и пройти босиком за невестой до самого храма, привлекая ногу? Так я буду достаточно убог? – не унимался Форстер. – Ты отказываешь мне даже в такой малости – потанцевать с красивыми южанками? А я-то надеялся... Кстати, я вижу возле нашей старушки-покровительницы весьма недурную особу. Та, в голубом платье, кто она?

– Это синьорина Габриэль Миранди. Но я имел ввиду как раз обратный случай. В сторону этой девушки ты можешь даже не смотреть.

– И почему же? Она ведь не замужем?

– Нет.

– Помолвлена?

– Нет.

– Такая красивая девушка не замужем и не помолвлена? – спросил Форстер, не сводя глаз с группы женщин. – С ней что-то не так?

– С ней всё не так, – развёл руками синьор Грассо.

– А именно?

– Она умна, у неё нет ни ливра за душой, самый острый язык на всём Побережье, и если ты ей не по нраву, вряд ли тебе удастся выдержать рядом с ней хоть половину ужина, – ответил Винсент с улыбкой.

– Вопиющие недостатки, согласен, – усмехнулся Форстер, – а достоинства у неё есть?

– У неё самый красивый розовый сад на всём Побережье. Но это сомнительное достоинство, лучше обрати внимание на её кузину – Франческу Корсини. Та, что слева, в зелёном платье. Она тоже весьма недурна.

Девушки стояли не так уж и далеко, а зрение у Форстера, как у истинного горца, было отличное. Он пристально разглядывал Габриэль, даже не зная почему. Она была не самой красивой среди тех южанок, что он видел здесь. И на фоне парчи и бриллиантов своих подруг её голубое шёлковое платье казалось совсем уж простым и скромным – никаких кружев и украшений. Но что-то было в этой девушке такое, отчего взгляд Александра, блуждая от одного женского лица к другому, всякий раз возвращался к ней.

Гордая осанка, светло-каштановые локоны, чуть отливающие рыжиной, голубые глаза и улыбка... Может, это она так привлекла его? Лукавая и тёплая, какая-то лучистая, от которой на щеках у Габриэль играли ямочки и взгляд становился озорным? Будто вот-вот она сорвётся с места и побежит, играя в догонялки. И захочется броситься за ней вслед... Светлая кожа, красивые губы...

Наверное, он смотрел на неё слишком пристально, потому что Габриэль будто почувствовала это – повернула голову и их взгляды встретились. И по южному этикету ему следовало бы, конечно, учтиво кивнуть и перестать так навязчиво и неприлично разглядывать незнакомку, смущая своим вниманием, но Форстер не мог удержаться. Слишком в её взгляде было много какого-то странного превосходства. Она посмотрела свысока, так, будто отказала ему даже в возможности находиться рядом и дышать с ней одним воздухом, словно осознавая, что у неё есть на это негласное право и власть над ним. Ему показалось, она смотрела с вызовом, ожидая, видимо, что как любой воспитанный южанин, он вежливо поклонится и перестанет сверлить её взглядом.

Но он не поклонился. И не перестал.

Он почему-то вспомнил первые годы жизни после возвращения из Бурдаса. Родовое поместье лежало в руинах после расправы, которую учинили солдаты королевских войск над повстанцами. Поля вытоптаны, рудники затоплены, деревни осиротели – мужчин почти не осталось: кто был убит, кого забрали в тюрьму или отправили в ссылку...

И он – хозяин богатейших земель Волхарда, закатав рукава, работал наравне со своими людьми, восстанавливая изгороди, ремонтируя сожжённый дом или занимаясь с Ханной пересчётом овец из тогда ещё немногочисленного стада. Вспомнил, как дважды в месяц к нему навещался с инспекцией отряд от генерал-губернатора, проверить – не укрывают ли Форстеры остатки бунтовщиков?

Они въезжали, как хозяева, не боясь, и топтали всё, что попадалось под копыта. Брали, что хотели, или ломали забавы ради. Он помнил лейтенанта Корнелли – сопливого юнца, которому едва исполнилось шестнадцать, но уже облачённого властью – его отец обеспечил ему место в штабе генерал-губернатора. Синий мундир с золотым шитьём, светлые волосы и южная надменность, он не удосуживался даже слезть с лошади и смотрел сверху вниз на Форстера и его людей вот таким же взглядом – осознавая, что главный здесь он, а его – Форстера – угроза оказаться на проигравшей стороне. И что одного его слова достаточно, чтобы бросить за решётку любого, кто ему не понравится.

Каждый раз во время таких рейдов лейтенант Корнелли насмехался над тем, что хозяин Волхарда стоит перед ним в перемазанной драной рубаше с топором или пилой, спрятав свою гордость и позволяя его людям безнаказанно переворачивать мебель, рыться в вещах, бросая

их на пол и тискать служанок по углам. А лейтенант лишь взирал на это с лёгкой улыбкой, хлопая ручкой кнута по голенищу – ему нравилось упиваться своей властью.

Почему всё это вдруг вспомнилось?

Может, потому что именно так на него сейчас посмотрела эта «южная роза»?

Габриэль тоже не отвернулась, как полагалось воспитанной девушке. Прищурилась, принимая вызов, разглядывая наглого незнакомца без смущения, надеясь, видимо, на то, что он смутится первым и поведёт себя как полагается приличному господину. Но Форстер лишь усмехнулся и отсалютовал ей бокалом. Она, тряхнув локонами, окатила его волной ледяного презрения и перевела взгляд на одну из мраморных статуй, окружавших фонтан, и некоторое время рассматривала их, словно говоря: «Вы для меня такая же статуя, господин Форстер – пустое место».

– Надменность у неё в крови... Неужели не нашлось того, кого не испугал бы «самый острый язык на всём Побережье»? – спросил Форстер, чуть наклонившись к Винсенту. – Я о синьорине Миранди.

– Было бы ради чего. Я же говорю, у неё за душой ни ливра. Её отец учёный, спустил всё состояние жены на научные экспедиции. Кстати, он бывал и в Бурдасе. Вообще, он очень интересный человек, прогрессивный, и дочь, похоже, пошла в него. Она красива, умна и, как говорят, ждёт большую любовь, – ответил Винсент с усмешкой, – тебе тут нечего ловить. И перестань так пристально разглядывать её, это неприлично.

– Она ждёт большую любовь? – удивился Форстер. – Для девушки в её положении это как минимум глупо. Похоже, слухи о её уме сильно преувеличены. Ты нас познакомишь?

– Алекс, я вот зачем тут раздаю советы? А? Говорю же – от этой девушки тебе стоит держаться подальше. Не трать на неё время – она знает себе цену, и ты, поверь мне, не в её вкусе.

– Знает себе цену? Судя по всему, никто не готов её заплатить.

– Ну, не в прямом смысле... У неё есть принципы...

– Даже самая разборчивая женщина, Винс, забывает свои принципы, когда речь идёт о больших деньгах. А я богат. Сомневаюсь, что принципы бедной девушки, пусть даже такой красавицы, как эта Габриэль, устоят против новой шляпки и туфель... Ладно, учитывая её предполагаемый ум, скажем, двух дюжин новых шляпок и туфель, – Форстер снова усмехнулся.

– Пфф! Алекс? – синьор Грассо недоумённо посмотрел на друга. – Ты видишь её пять минут, а говоришь так, будто решил на ней жениться? Говорю же, обрати лучше внимание на её кузину, если уж на то пошло. Она не так красива, но очень мила, и она тоже *бари*, как и Габриэль.

– Так она ещё и *бари*? Надо же...

– А для тебя, кстати, это был бы в некотором смысле выход, – Винсент повернулся к другу, – серьёзно. Женись на одной из *бари*. Можно найти подходящую партию из бедной семьи, но с хорошими связями. Подумай, как ещё один вариант. Конечно, тогда землю придётся переписать на жену, но... так ты сможешь спасти Волхард.

– Это, может быть, и интересно, – прервал его Форстер, – но жениться второй раз я пока не готов. И вряд ли вообще буду к такому готов. Не будем об этом.

– Тогда не подходи к Габриэль ближе, чем на двадцать шагов. Здесь полно несчастных дев с хорошей родословной и без денег. Думаю, проблем с танцами у тебя не будет.

– Зная, кто я такой, думаешь, эти чванливые южанки станут со мной танцевать?

– Если ты ненароком обронишь, что у тебя сто пятьдесят тысяч ливров дохода в год и ты находишься в поисках жены – гарантирую, ты сотрёшь к утру подошвы своих туфель.

– Но у меня пятьсот тысяч ливров дохода и я не собираюсь жениться, – усмехнулся Форстер, снова поймав скользнувший по нему взгляд Габриэль Миранди.

Он готов был поклясться, что она специально обернулась, делая вид, что ищет глазами кого-то в толпе. Никого она там не искала, она просто хотела узнать, по-прежнему ли он на неё смотрит.

Винсент поприветствовал одного из гостей, а затем продолжил, чуть понизив голос:

– Первое может напугать их – слишком уж невероятная цифра, а о втором им знать вовсе не обязательно. Зато весь вечер ты сможешь наслаждаться приятным женским обществом, их матери начнут зазывать тебя в гости, и если ты последуешь моим советам, то их отцы вскоре узнают какой ты умный, воспитанный и перспективный мужчина. И это тоже плюс в копилку твоей репутации. А дальше всё зависит от тебя...

– Они все смотрят на меня, как на пустое место. Вот хоть бы синьорина Миранди – сколько презрения в её взгляде, а она ведь даже не знакома со мной.

– Это же юг, – развёл руками Винсент и добавил с улыбкой, – здесь даже их болонки будут смотреть на тебя с презрением, если у тебя не двадцатиколненное родовое древо, состоящее из одних бари. Репутацию придётся заработать. А что касается синьорины Миранди, повторюсь – забудь. Ты не впечатлишь её ни своим состоянием, ни танцами, ни даже дюжиной шляпок.

– Вот как? Спорим на ящик лиарнского? – подмигнул Форстер другу.

– Алекс! Ты просто потеряешь время, но я, разумеется, не против ящика вина.

И, словно в насмешку над Форстером, синьорина Миранди посмотрела ровно сквозь него, изящно развернула веер и помахала кому-то за его спиной так, словно он и в самом деле был из стекла.

– Ты так уверен, что я проиграю? – произнёс Форстер, не сводя с Габриэль глаз. – Если твои советы насчёт танцев и комплиментов верны, то спорим, мой друг, что к концу этой свадьбы твоя «южная роза» будет мечтать о том, чтобы я сделал ей предложение!

– Если ты покоришь эту крепость, я пришлю тебе два ящика лиарнского и с удовольствием выпью их на твоей свадьбе, – подмигнул ему синьор Грассо. – Но это вряд ли, так что хватит предаваться пустым мечтам. Идём. Пришло время познакомить тебя с синьорой Арджилли. И помни мои советы – только светские беседы. Никаких повстанцев, никакой войны, никаких ужасов – ничего, кроме любезности.

– «Благодарю, святой отец! Я внял вашим советам».

Глава 3

О том, чем заканчивается подслушивание и подглядывание...

– Элла? – заговорщицки шепнула на ухо кузина Франческа. – Знаешь, что сказала мне только что Селеста? Хоть и нехорошо говорить такое – ты не подумай я вовсе не сплетница, – но раз это касается тебя, то я просто не могу молчать. Ты должна знать...

Они стояли в саду виллы Таливерда в ожидании, когда соберутся все приглашённые, чтобы затем пышный свадебный кортеж направился в кастийский храм. Пока же гости наслаждались вином и закусками, и обсуждали светские новости, слушая плавную мелодию, что наигрывал оркестр в ротонде.

В тени деревьев синьора Арджилли, буквально позавчера вернувшаяся с горячих источников, рассказывала о благотворном влиянии мармиерской грязи на тонус кожи. Её окружало не меньше дюжины девушек, каждая из которых думала лишь о том, что коже синьоры Арджилли, похожей на печёную грушу, не поможет уже никакая грязь, и что старой карге давно пора думать о душе, а не о том, как улучшить цвет своего лица. Но вслух сказать то, что думают, юным созданиям было непозволительно. Они должны были стоять, восхищаться чудодейственным эффектом и слушать этот рассказ со всем вниманием, на какое были способны.

– Касается меня? Ты о чём? – спросила тихо Габриэль, чтобы её не услышала старая синьора.

– Ты заметила вон того господина, что стоит рядом с синьором Грассо? – прошептала Франческа и скосила глаза влево, всем остальным своим видом выражая крайнюю заинтересованность в рассказе о том, каким слоем грязь следует накладывать на лицо.

И Габриэль сразу же поняла, о ком идёт речь. Конечно, она заметила наглого надменного господина, который, не будучи представленным, позволял себе недвусмысленные взгляды и усмешки. Она видела его впервые, и, судя по чертам его лица, он был приезжим, хотя странно, что синьор Грассо не объяснил ему, как полагается вести себя в приличном обществе.

– Конечно, заметила. Трудно не заметить такого невоспитанного синьора, – прошептала в ответ Габриэль.

– Он вовсе и не синьор! Его зовут Александр Форстер. И он гроу! А знаешь, чем он занимается? – заговорщицки спросила Фрэн и тут же, не дождавшись ответа, выпалила: – Он разводит овец!

– Овец? – Габриэль сжала губы, чтобы не рассмеяться.

– Это ещё не всё! – и Фрэн быстро выложила, что ей удалось узнать о загадочном северянине. – Но, самое главное... ты знаешь, что они только что говорили о тебе?

– Говорили обо мне? – удивилась Габриэль. – С какой стати?

– Селеста всё подслушала. Этот наглый господин ищет себе невесту среди бари, – взволнованно зашептала Фрэн, – и он сказал, что сможет купить любую девушку, потому что у него сто пятьдесят тысяч ливров годового дохода. И что тебя он может заполучить всего-то за дюжину шляпок и туфель.

– Что? – Габриэль едва не поперхнулась пуншем. – Меня? Заполучить за дюжину шляпок? И он такое сказал при Селесте? Пречистая Дева!

Она повернулась к кухне, и на её лице уже не было улыбки.

– Они её не видели, она сидела на скамейке вон там за статуями, – горячо шептала Фрэн, – в общем, она не всё слышала, но этот Форстер считает, что, раз он богат, то любая девушка сотрёт туфли от счастья, танцуя с ним балу. Как-то так он выразился. Удивился, что ты не замужем и сказал, что выходить замуж по любви – это редкая глупость.

– Какая наглость! – Габриэль произнесла это шёпотом, но внутри у неё всё просто вскипело. – Да что он о себе возомнил? А куда смотрел синьор Грассо? Как позволил ему такое говорить?

– Тише! – Фрэн приложила палец к губам и снова принялась шептать. – Чего же ты хочешь от гроу! Да ещё живущего среди овец!

Габриэль принялась расправлять складки на платье, пытаясь совладать с возмущением.

– Ты права, – произнесла она, наконец, выдохнув и придав своему лицу выражение спокойного безразличия, – чего ещё ждать от неотёсанного горца? Эти люди слишком дикие и заслуживают, скорее, снисхождения, чем осуждения. Возможно, у себя в горах они всё ещё покупают женщин или меняют на мешок овса. И зачем только синьор Грассо привёл его сюда? Я слышала, что они и едят с овцами, и в гостиную их заводят. Мы можем только игнорировать его невоспитанность.

– А знаешь, как его называют в Алерте? – снова заговорщицки прошептала Фрэн и тут же сама ответила: – «Овечий король».

Девушки прыснули со смеху, стараясь смеяться беззвучно и прячась за спиной синьоры Арджилли. Но Габриэль не удержалась, бросила ещё один мимолётный взгляд в сторону мраморных статуй, возле которых стояли синьор Грассо и его друг, и увидела, что они направляются напрямиком к ним.

Купить её за дюжину шляпок? Какая мерзость!

Но, несмотря на внешнюю невозмутимость, внутри она просто кипела от раздражения. Никогда Габриэль не слышала от мужчины подобной бестактности. Да, конечно, она понимала, как заключаются браки, и понимала, что родители обсуждают друг с другом и с будущими родственниками размер состояния, приданое или родословную, но говорить подобное так, как этот Форстер, никто и никогда себе не позволял. Всё происходило на специальных церемониальных чаепитиях, где собирались родственники жениха и невесты, и разговор всегда вёлся очень деликатно в двусмысленных выражениях, чтобы никоим образом не оскорбить чувства друг друга. Говорили о том, как обеспечить будущей семье счастливую и безбедную жизнь. На таких встречах никто не покупал невест и никто не позволял себе так открыто кичиться своим богатством, как этот Форстер...

Невесту не покупают! Тем более за дюжину шляпок! Какое вообще он имел право обсуждать её с синьором Грассо?

Но чего ожидать от того, кто продаёт овец? Наверное, он и женщин воспринимает так же. Для него что жениться – что купить очередную овцу! Отвратительно!

– Интересно, а как будет зваться жена «овечьего короля»? – шепнула Габриэль. – И как к нему обращаться? Ваше овечество?

Франческа, которая увидела приближающихся к ним синьора Грассо и его друга, чуть не лопнула от натуги, пытаясь не рассмеяться.

– Элла, умоляю тебя – молчи!

– Синьора Арджилли? – Винсент склонился и поцеловал морщинистую руку, унизанную рубиновыми перстнями. – Вижу, вы вернулись из Мармиеры? У вас цветущий вид, моя синьора, и я рад видеть вас здесь в добром здравии. Позвольте представить вам моего друга – мессира Александра Форстера из Трамантии. Я рассказывал как-то о нём. Мы служили вместе в Бурдасе и, поверьте, я не знаю более бесстрашного человека, когда-либо носившего мундир королевских войск.

Грация Арджилли приложила к глазам пенсне, прищурилась, рассматривая Форстера, и, закончив осмотр, царственно протянула руку для поцелуя со словами:

– Почему у вашего друга, Винсент, такое суровое выражение лица?

В её голосе прозвучала лёгкая насмешка.

– Он же горец, миледи, – улыбнулся Винсент, – скажите спасибо, что я заставил его надеть фрак и оставить дома кинжал.

– Надеюсь, наше южное солнце растопит лёд в вашем сердце, мессир Форстер, – произнесла синьора Арджилли и указала на плетёное кресло, стоящее рядом, – присядьте и расскажите мне что-нибудь любопытное. Развлеките старушку, а то наши юные прелестницы только и делают, что поддакивают мне, а когда все вокруг с тобой согласны – это утомляет. А потом я познакомлю вас с этим прекрасным цветником.

Она указала веером в сторону девушек.

Мессир Форстер отодвинул немного кресло и поставил его так, чтобы сидеть напротив собеседницы, закинул ногу на ногу, и девушки, окружающие старую синьору, расступились, образовав широкий круг, но никто из них не ушёл, потому что разговор обещал быть любопытным.

Франческа нащупала руку Габриэль и сжала ледяными пальцами. Как-то внезапно мессир Форстер оказался прямо напротив них, прячущихся за спиной синьоры Грации. И, наверное, им лучше было уйти, чтобы не находиться на линии его взгляда, но делать это нужно было раньше, а сейчас это выглядело бы слишком уж бестактно.

– Синьора Арджилли, – произнёс Винсент, кладя руку на спинку кресла, – мой друг знает много историй, а одну я даже рассказывал вам, о...

– ...о стычке со львом? Как же, я помню, – перебила его синьора Арджилли и добавила с усмешкой, – но ведь в той стычке язык вашего друга не пострадал, верно? Думаю, он и сам может всё рассказать. А мы проверим, много ли вы, наш любезный Винсент, приукрасили в том рассказе, – она перевела взгляд на горца и спросила пылливо: – Так вы и правда дрались со львом голыми руками, мессир Форстер? Или это обычные мужские рассказы, которые с годами превращают котёнка во льва, а прогулку к реке – в пятидневный переход через снежные Трамантийские пики?

– Синьора, я бы снял рубашку, чтобы показать вам шрамы от его когтей, но, боюсь, в этом изысканном обществе такой искренний порыв будет слишком дурно истолкован. А у меня и так здесь ... не слишком хорошая репутация, – улыбнулся ей в ответ Форстер.

Синьора Арджилли расхохоталась, прикрывшись веером и ответила, приложив надушенный платочек к уголкам глаз:

– Я бы не отказалась на это посмотреть. Но вы правы, боюсь, юные синьорины ещё слишком неопытны, чтобы понять всю прелесть такого зрелища. Так что не будем смущать этим их нежные взоры.

– И поверьте, синьора, – добавил Форстер со всей возможной учтивостью, – если с годами в рассказах мужчин котёнок превращается во льва, то этот лев за прошедшие с того дня пятнадцать лет смог бы перерасти даже колокольню кастиерского храма.

– А вы очень милы, Александр. Вы же не против, если я буду называть вас по имени? – спросила синьора Арджилли, убирая веер. – Слава Богам, возраст даёт женщине так много привилегий... Расскажите что-нибудь о ваших приключениях в Бурдасе – обожаю такие истории. Но из Винсента, знаете ли, рассказчик такой же пресный, как утренняя каша. Он пропускает всё самое пикантное и острое. А вы, надеюсь, можете порадовать меня какой-нибудь душераздирающей историей без прикрас?

Форстер откинулся на спинку кресла и посмотрел куда-то вдаль, за голову старой синьоры, словно вспоминая далёкие события, и встретился взглядом со стоящей поодаль Габриэль. Она беззвучно похлопала веером по руке и взглянула на него так, как в цирке смотря на танцующего медведя...

Кажется, даже лейтенанту Корнелли не удавалось вложить в усмешку столько презрительной снисходительности, какую Форстер увидел на лице этой девушки. Словно его появлению

ние, это приветствие и предстоящий рассказ были чем-то очень банальным и пошлым, недостойным приличного общества. И ему сразу же вспомнились слова Винсента:

«Они никогда тебя не полюбят. Они не будут считать тебя равней. Для них ты только дерзкий выскочка с севера. Второй сорт. Поэтому запомни, главное – они должны видеть то, что ты знаешь своё место. Здесь даже их болонки будут смотреть на тебя с презрением, если у тебя не двадцатиколённое родовое древо, состоящее из одних бари».

И если поведение лейтенанта Корнелли было ему понятно – он был победителем, а Форстер – побеждённым, то эти юные синьорины, которые смотрели на него сейчас как на неведомое насекомое, смогли затронуть ту самую струну в его душе, которой так боялся Винсент.

Наверное, именно поэтому Форстер рассказал самую жуткую и кровавую историю, какую смог вспомнить из тех времён, когда они с Винсом служили в Бурдасе. Историю о том, как туземцы принесли в жертву одного из их сослуживцев, и как их отряд не успел его спасти. Винсент пытался его остановить, но Форстера словно прорвало, и рассказ вышел настолько красочным и живым, что когда он закончился, позади в гробовой тишине одна из синьорин внезапно упала в обморок.

Пока все хлопотали над бедняжкой, обмахивая её веерами и предлагая нюхательные соли, синьора Арджилли наклонилась к Форстеру и сказала тихо:

– Спасибо, Александр. Это было сильно. Пожалуй, мне потребуется что-то покрепче этого пунша.

– Я принесу, – он встал и снова встретился взглядом с Габриэль.

Та стояла бледная, и глаза её сделались совсем тёмными.

– Вам понравился мой рассказ, синьорины? – спросил Форстер с усмешкой.

На что Габриэль искривила губы в ответной усмешке, прищурилась и произнесла достаточно громко, чтобы он точно расслышал:

– О, разумеется, это был достойный рассказ для подобного события. Что же, мессир Форстер, вы не приберегли его для свадебного тоста? Думаю, невеста бы его оценила! Хотя, если это был только аперитив, кто знает, какие ужасы вы ещё припасли на десерт!

Она с шумом сложила веер, развернулась и направилась прочь, а Франческа бросилась следом.

– Алекс! Какая муха тебя укусила? – спросил Винсент, догоняя Форстера. – Так-то ты собрался понравиться южным дамам? Рассказывая о том, как бедняге Люку вырезали сердце?

– Ты же сказал, что понравиться я должен милой старушке Арджилли? Ну, так я и понравился ей, медведь меня задери! – резко ответил Форстер. – Или нет?

– Понравился-то да, но ты хоть понимаешь, что эти весёлые птички всю свадьбу будут щебетать только о том, какой ты невоспитанный и грубый, потому что рассказываешь дамам кровавые ужасы! Я ведь тебя просил!

– Знаешь, Винс, зато ни одна из них меня теперь точно не забудет, – усмехнулся Форстер и, прихватив бокалы с апельсиновым ликёром, направился обратно к синьоре Арджилли.

Единственное, о чём он не догадывался, что в деле светских сплетен у кузины Габриэль – Франчески – не было равных. И если Габриэль предпочла молчать о возмутительном поведении мессира Форстера, то Фрэн молчать, конечно же, не стала. Вскоре история о том, как «этот ужасный гроу» довел до обморока бедняжку Беатриче, пытался соблазнить жуткими рассказами «старую каргу Арджилли» и оценил Габриэль Миранди в дюжину шляпок и туфель, передавалась шёпотом из уст в уста, обрастая по пути всё более пикантными подробностями.

Всё это было, конечно, возмутительно. Но от гроу никто и не ожидал ничего другого, и порции презрения было бы достаточно, чтобы поставить на место этого выскочку, если бы не одно «но» – невероятная цифра его состояния, которая казалась бы выдумкой, если бы её не подтвердил синьор Грассо. И именно она останавливала всех от слишком уж открытого осуждения. Всё-таки сто пятьдесят тысяч ливров годового дохода...

Если Форстер и хотел, чтобы его не смогли забыть, то в этом деле, кажется, он даже перусердствовал. К тому моменту, когда свадебный кортеж вернулся из храма, каждая синьора и синьорина из числа приглашённых знали кто такой Александр Форстер. И, как минимум, половина из них говорила о нём вслух, как об «этом ужасном гроу», но мысленно находила его довольно милым, весьма недурным и с любопытством рассматривала исподтишка.

После торжественного обеда, который прошёл в парке под белоснежными шатрами, гости разошлись по комнатам, чтобы провести часок-другой в прохладе, отдохнуть перед предстоящим балом. Женщины хотели освежиться, переодеться и обсудить мужчин, мужчины – пропустить рюмочку шерри, поговорить неспешно о политике и обсудить женщин. А затем, когда жаркое солнце коснётся жёлтых склонов Травертино и длинные тени потянутся в сад, праздник продолжится с новой силой – во внутреннем дворе виллы «Роза Боско» начнется свадебный бал.

Слуги уже развешивали фонари и гирлянды, расставляли столы для вина и фруктов, ожидался огромный торт – совместное творение пяти лучших кондитеров Алерты – и грандиозный фейерверк.

– Я хочу посмотреть на торт! Ну, пожалуйста, Элла! Я слышала, что они спрячут внутри живых голубей! Неужели тебе не интересно посмотреть, как они это сделают? – Фрэн остановилась перед дверью, отведённой для них комнаты.

Спорить с кухней было себе дороже, и Габриэль согласилась. Всё равно Фрэн будет изводить её просьбами, как обычно, до тех пор, пока не добьётся своего. И, по большому счёту, Габриэль и самой было интересно посмотреть на этот процесс. Голубей они с Фрэн видели только что – белоснежных красавцев с пышными хвостами пронесли мимо них в большой клетке.

– Ладно, идём. Только быстро. Хотя это нехорошо – бродить по хозяйственному двору без разрешения, – вздохнула Габриэль.

– Мы же мигом, просто глянем одним глазком и назад! Ну, пошли же быстрее, а то опоздаем.

Они спустились в сад, прошли по тенистой аллее туда, где за двухъярусной стеной гортензий и жасмина в здании из красного кирпича пряталась кухня.

– Давай просто заглянем в окно? – предложила Фрэн.

– Зачем? Раз уж пришли, давай зайдём и спросим.

– Это будет как-то неудобно, – замялась Франческа, – а вдруг нас выставят?

– А подглядывать – это удобно? – усмехнулась Габриэль.

– Ну, мы же только узнаем, где он стоит, а уж потом можно будет и зайти, – понизив голос, ответила Франческа, – не хочу ходить среди кастрюль и сковородок с рыбой – или ты мечтаешь пропахнуть жареным луком и посадить на платье масляное пятно?

– Окна высоко, мы ничего не увидим.

– А ты встань на цыпочки. Я вот вижу.

Франческа была выше Габриэль, да ещё и надела на бал новомодные туфли на высоких каблуках, и для неё это, и правда, не представляло труда. Габриэль вздохнула: у Фрэн не существует препятствий для того, что могли бы сделать другие.

Они пробрались к открытому окну, подняв повыше юбки, чтобы они не цеплялись за густую траву, и Габриэль, встав на цыпочки, заглянула внутрь. Комната оказалась овощной кладовой – на полу лежала капуста, связки сельдерея и спаржи, стояли корзины с яблоками и морковью, но никаких тортов и голубей там не было. Фрэн подошла к другому окну и, заглянув, произнесла тихо:

– Тут нет ничего, кроме кастрюль. Я посмотрю с другой стороны, – она махнула рукой и скрылась за углом.

Габриэль прошла дальше вдоль стены, заглянула в одно окно, потом в другое, пытаясь держаться за выступы в кирпичной кладке. Кругом висели гирлянды осенней паутины, и чтобы не испортить перчатки или ненароком не сделать затяжку, она их сняла и продела за пояс. Не хватало ещё испачкаться, ведь запасных у неё с собой не было, а подавать мужчинам руку для поцелуя в грязной перчатке было бы очень стыдно.

Она снова привстала на цыпочки, держась за подоконник, и руки тут же испачкались пылью и сажей от дымившей неподалёку кухонной печи.

– Ну вот! Фрэнни, Фрэнни! И зачем я тебя послушала! – прошептала Габриэль, разглядывая пальцы.

В одной из комнат она увидела висевших на крюках фазанов и тушки кроликов, а на столе у окна лежала огромная бычья голова с рогами. Сизые мёртвые глаза животного показались настолько ужасными, что Габриэль даже вскрикнула от неожиданности, отпрянула и едва не упала. Она сорвала пучок травы и принялась оттирать руки. К своей досаде сумочку с платком, солями и веером она оставила в комнате. Сажа оттиралась плохо, без мыла ей точно не справиться. Нужно побыстрее уходить отсюда, вся эта затея с голубями – глупость. Зачем она только послушала Фрэн!

Другое окно было закрашено мелом, Габриэль взяла прутик и осторожно толкнула чуть приоткрытую створку. Мало ли, может, там тоже жуткая бычья голова или ещё что похуже. Оттуда пахло тухлой рыбой, да так сильно, что Габриэль фыркнула от отвращения и зажала нос пальцами. Запах был настолько мерзким, что к горлу подкатила тошнота.

– Ну, всё! Провалились бы эти голуби! – воскликнула она, приподняла платье одной рукой и бросилась прочь, перескакивая через высокую траву.

Выбежав на дорожку, она едва не налетела на двух мужчин, идущих ей навстречу. В одном из них она узнала мессира Форстера, а другим мужчиной оказался её отец – Витторио Миранди.

– Габриэль? Почему ты заглядываешь в окна кухни? – удивлённо воскликнул отец и добавил с улыбкой. – Признайся, ты хотела стащить несколько шоколадных пирожных? Моя дочь обожает пирожные.

Будь отец один, Габриэль конечно же пошутила бы в ответ, что она хотела стащить весь свадебный торт. Но от мысли, что мессир Форстер видел, как она задирает юбку, встаёт на цыпочки и заглядывает в окна кухни совсем как служанка, желающая втайне съесть кусок пирога, и от насмешливого взгляда, которым он её окинул, она густо залилась краской, и обычная находчивость ей внезапно изменила.

– Отец? Я... Нет! Не подумайте... Мы... с Фрэн... мы, – запинаясь, произнесла она, пряча за спину испачканные руки, – мы просто хотели посмотреть, как голубей... – тут она смутилась, не зная какое слово подобрать, и закончила фразу совсем уж глупо: – ...запихивают в торт.

И, кажется, ей впервые в жизни стало стыдно за то, что именно она произнесла вслух. Никогда раньше остроумие так её не подводило. Ей было ужасно обидно, что этот Форстер застал её за таким неподобающим синьорине занятием, что она стоит перед ним с грязными руками и лопочет такие глупости. А он при этом так доволен собой, что улыбается снисходительно и смотрит на неё, как на глупую маленькую девочку.

Вблизи он показался ей очень высоким и каким-то... страшным. Нет, физически он был, конечно, довольно привлекателен. Но его лицо, несмотря на лёгкую улыбку, казалось очень серьёзным, а взгляд – цепким, таким, от которого хотелось укрыться.

– Кстати, Габриэль, ты знакома с мессиром Форстером? – произнёс отец, указывая рукой на своего спутника. – Это моя дочь, Габриэль Миранди. Габриэль – это мессир Александр Форстер.

Она присела в реверансе и не задумываясь подала руку, и только потом с ужасом осознала, что руки у неё без перчаток, а подавать для поцелуя руку без перчатки – это вопиющее неприличие. И если бы только это! Занятая мыслью о том, что же сказать, она и забыла, что пальцы всё ещё испачканы сажей, травой и пылью. Но когда она заметила это, было уже поздно...

И, конечно, любой воспитанный южанин сделал бы вид, что не заметил этой неловкой ситуации, он бы склонился, но не стал касаться руки губами, соблюдая лишь формальность и тактично переведя разговор на красоты местных видов или обсуждение церемонии, отвернулся бы, позволив даме исправить досадную оплошность.

Но глупо было рассчитывать на деликатность «этого гроу». Форстер, конечно, всё заметил. Более того, он сделал то, от чего Габриэль едва не провалилась сквозь нагретый солнцем гравий дорожки – взял её руку и поцеловал, так неторопливо и церемонно, словно она была королевской особой. И, конечно, сделал он это специально, чтобы её унижить.

– Ваши руки пахнут мятой, синьорина, – произнёс Форстер с улыбкой, – и вы их испачкали, когда так мило шпионили за... голубями...

Габриэль поспешно выдернула руку и спрятала за спиной.

– ...Возьмите...

Он достал из кармана платок и протянул. И лучше ей было бы, и правда, провалиться на месте, потому что подобное фиаско стало оглушительным ударом по самолюбию. Но хуже всего были не её грязные руки, и не то, что «этот гроу» почувствовал, чем они пахнут, хотя произнесённое вслух это было ужасно и само по себе, и даже не то, что её застывали за тем, что она подглядывала в окна кухни. Хуже всего было то, что он явно наслаждался этой неловкой ситуацией, вгоняя её в краску ещё больше вместо того, чтобы деликатно отвернуться и дать ей возможность привести себя в порядок. И Габриэль растерялась, не зная, как ей вести себя с ним в присутствии отца, который, разумеется, не заметил всего этого возмутительного неприличия.

– Мессир Форстер, благодарю вас, – к Габриэль, наконец, вернулось самообладание, и чтобы и дальше не выглядеть глупой капризной девочкой, она взяла протянутый платок, – не стоило себя утруждать подобной заботой.

– Это всего лишь попытка соблюсти южные правила этикета, – ответил он, чуть склонив голову.

– Такая же деликатная, как и ваш рассказ о жертвоприношении? – она яростно потёрла пальцы платком, стараясь не смотреть на собеседника и кляня про себя Фрэн на все лады. – И такая же уместная, надо заметить.

Габриэль принялась в первую очередь тщательно оттирать место поцелуя, и это не ускользнуло от внимания Форстера. Получилось как-то слишком уж неудобно, ей следовало бы сделать это незаметно, но, с другой стороны, она была слишком зла, чтобы придать значение такой мелочи.

– Как видите, я пытаюсь обучаться тонкостям южных правил поведения, – ответил он, вложив в слова какую-то долю иронии.

– Должна сказать, что у вас плохо получается.

– Возможно, у меня не было хорошего учителя? А может, сам предмет оказался бессмысленным и глупым?

– А может, учителю попался нерадивый ученик? Или предмет не по зубам? Ведь предмет-то невероятно сложный! – парировала она не глядя.

– Габриэль! – воскликнул синьор Миранди. – Тебе не кажется, что ты излишне строга к нашему гостю? Учтывая, что он приехал издалека, ты могла бы быть снисходительна ко всяким принятым здесь церемониальным мелочам. Ты даже не представляешь, как много интересного я узнал от мессира Форстера! Какое совпадение, что он служил в Бурдасе, а я как раз пишу монографию о туземных обычаях. И он поведал мне массу любопытных нюансов!

– О! Я уже наслышана об этих нюансах, отец! Вырезание сердец и распятие свежей человеческой крови! – воскликнула она с притворным восторгом и добавила с тонким сарказмом, чуть усмехнувшись и глядя Форстеру прямо в глаза: – А вы уже предлагали моему отцу посмотреть шрамы от когтей льва? Как я понимаю, вы любите их демонстрировать.

– А вы, я вижу, это запомнили? Значит, вам тоже любопытно на них взглянуть? – он чуть прищурил правый глаз, и его вопрос прозвучал как издевательство.

– Мне? – вспыхнула Габриэль. – Отнюдь. Но, если вы пытались впечатлить меня своей... мужественностью, то могу заверить – у вас не получилось. Оставьте дешёвые трюки синьоре Арджилли. Я вряд смогу оценить всю эту... ммм... «пикантность и остроту».

Она передразнила интонацию синьоры Арджилли так искусно, что Форстер засмеялся, а Габриэль спохватилась, что кажется, в пылу своего раздражения сказала много лишнего. Она смутилась и продолжила тереть пальцы платком.

Синие глаза Форстера блеснули, и ноздри затрепетали, но синьор Миранди, как обычно, сарказма в словах дочери не заметил и лишь воскликнул в ответ:

– Так вы дрались со львом? Как чудесно! Послушайте, вы непременно должны у нас побывать! Я привёз из Бурдаса коллекцию холодного оружия и хочу, чтобы вы оценили её, как... профессиональный военный и знаток местных обычаев. Скажем, послезавтра? Приезжайте к вечернему чаю, мы будем рады вас видеть, – он достал карточку и протянул, – там адрес.

– С удовольствием, синьор Миранди, – улыбнулся Форстер, забирая карточку и глядя на Габриэль, – к тому же я много слышал про розовый сад вашей дочери и хотел бы его увидеть.

– Много слышали? – удивилась она. – Большей частью всё это неправда. Да и уже осень, розы почти отцвели. Там не на что смотреть. Боюсь, вас ждёт разочарование.

– Думаю, в этом саду найдётся одна роза, которую я хотел бы увидеть в любом случае, – произнёс мессир Форстер, и взгляд его совершенно недвусмысленно говорил о том, какую именно розу он имел в виду.

Габриэль почувствовала, как от этого взгляда краснеет почти до пят, потому что все комплименты, которые ей говорили воспитанные мужчины, а говорили они их немало, все они звучали не так. Что-то было в его словах... жутко неприличное. Даже не в самих словах, а в том, как он их произнёс, в его голосе, в его взгляде, в этом поцелуе, в его платке, который она держала в руках. И она опустила глаза, делая вид, что разглядывает свои руки.

Да хоть бы он провалился!

Она вся кипела внутри, обдумывая, какую же деликатную гадость сказать этому наглому северянину, считающему, что может не только купить её за дюжину шляпок, но и говорить ей эти двусмысленные вещи, напроситься на приглашение в их дом да ещё и навязаться в друзья к отцу. Но на ум ничего достойного так и не пришло. Ей не хотелось опускаться при отце до бестактностей, но видеть мессира Форстера у себя в гостях ей хотелось ещё меньше.

– Да и к тому же, – она обратилась к синьору Миранди, пробуя деликатно отделаться от неприятного гостя, – у нас такой беспорядок, мы пакуем вещи для переезда – не думаю, что сейчас удачный момент для приёма гостей.

В такой ситуации любой воспитанный южанин поспешил бы отказаться от приглашения под благовидным предлогом, понимая, что подготовка к переезду – дело серьёзное, но Форстер пропустил её намёк мимо ушей.

– Я непритязателен, поверьте. Беседка в саду и чашка чая меня вполне устроит, – ответил Форстер с усмешкой, – главное ведь не церемонии, а достойное общество.

– Как приятно встретить человека, не порабождённого условностями! – воскликнул синьор Миранди. – Да и к тому же то, что предназначалось музею, мы уже отправили, а так, твой сад, Элла, вполне подойдёт для вечернего чаепития. И не слушайте её, моя дочь – скромница, она сильно преуменьшает, когда говорит, что розы совсем отцвели, поверьте, вам стоит их увидеть, – он доверительно похлопал Форстера по плечу.

А Габриэль с тоской подумала, как же быстро отец пал жертвой чар «этого мерзкого гроу». Форстеру нельзя было отказать в находчивости, он сразу же понял слабости синьора Миранди и умело ими воспользовался.

– Синьор Миранди, я с удовольствием. Вы даже не представляете, как сильно я хочу посмотреть этот сад теперь, когда знаком с его хозяйкой. И, разумеется, посмотреть вашу коллекцию. У меня в Волхарде тоже хранится несколько весьма любопытных предметов – я обязательно вам о них расскажу.

– Увы, ваш платок, мессир, пришёл в негодность, – ответила Габриэль, чтобы скорее уйти от этого разговора, – я выброшу его, с вашего позволения.

– Как вам будет угодно. У меня есть ещё дюжина таких платков, так что, если захотите снова испачкать руки – я буду рад вам их предложить, – ответил Форстер с улыбкой.

– Надеюсь, я больше не доставлю вам удовольствия наблюдать меня в подобной ситуации, – ответила Габриэль с вызовом.

– Жаль. Ведь в одном вы правы, синьорина, я действительно получил ни с чем несравнимое удовольствие, наблюдая эту картину. И, пользуясь случаем, в качестве благодарности за спасение ваших рук я хочу пригласить вас на пару кадрили на предстоящем балу. Надеюсь, у вас ещё остались свободные танцы? Вы расскажете мне о вашем саде и южном этикете, а я – о зверских обычаях туземцев Бурдаса...

– Разумеется, она вам не откажет, мессир Форстер, моя дочь прекрасно танцует! И любит это дело! – вмешался синьор Миранди.

– Боюсь, шпиона за ... голубями, я подвернула ногу. Не знаю, смогу ли я танцевать кадрили, да и вообще я предпочитаю вальс. Хотя вряд ли вы знакомы с этим танцем, слышала, горцы любят что-то более... ритмичное и с барабанами, – ответила Габриэль, не глядя и порывисто натягивая перчатки.

Но её намёк на то, что все горцы – дикари, а вальс – танец доступный лишь высшим слоям культурного общества, собеседник снова пропустил мимо ушей. А она так надеялась, что хотя бы это остановит настойчивого северянина.

– Подвернули ногу? – спросил он с притворной заботой и тут же предложил Габриэль руку, согнутую в локте. – Позвольте, я провожу вас или, быть может, позовём доктора? И, разумеется, я согласен на вальс. Обожаю вальсы.

– Вы очень любезны, мессир, но мне поможет кузина Фрэн. Фрэнни! – Габриэль помахала рукой Франческе, которая весь этот разговор пряталась за кустами жасмина.

– Тогда увидимся на балу, синьорина, – Форстер чуть склонил голову, – и кстати, теперь, когда вы победили свои руки, прошу...

Он достал ещё один платок и протянул Габриэль с улыбкой:

– ...нос вы тоже испачкали, видимо... сажей.

Это стало последней каплей. В этот момент Габриэль поняла, что, кажется, ненавидит Форстера всеми фибрами своей души.

Глава 4

О словах, вырванных из контекста

– Элла? Ты что, так и будешь прятаться здесь? – спросила Фрэн, обмахиваясь веером. – Ты пропустила уже половину танцев!

– Не половину, а только вальсы, – ответила Габриэль, – и вовсе я не прячусь – просто не хочу танцевать с «этим гроу».

На самом деле она, и правда, пряталась. И причин этому было несколько. Во-первых, она действительно не хотела танцевать с Форстером настолько, что пошла и потихоньку узнала у маэстро расписание танцев. А затем стала следить, с кем танцует Форстер, и заранее, как только ожидался очередной вальс, быстро уходила из освещённой части внутреннего двора, чтобы не попасться ему на глаза. И хотя она очень любила вальсы, но сейчас готова была пожертвовать ими ради того, чтобы не оказаться в опасной близости от «этого гроу». Почему её так злило и пугало его присутствие, она объяснить не могла. Но мысль о том, чтобы находиться с ним рядом, приводила Габриэль в замешательство.

А второй причиной стал подслушанный ненароком разговор двух синьор, которые, как оказалось, непринуждённо обсуждали её – Габриэль Миранди. За это нужно было сказать отдельное «спасибо» Фрэн. Она с присущей ей непосредственностью рассказала всем не только о неподобающем поведении мессира Форстера, но также и о том, как он отозвался о незавидном финансовом положении семьи Миранди и произнёс те самые слова о дюжине шляпок и туфель, в которые ему обойдётся Габриэль, как невеста.

И получилось так, что сто пятьдесят тысяч ливров годового дохода мессира Форстера уравнивали то гадкое впечатление, которое произвели на всех его слова и невоспитанность. Теперь в глазах общества он предстал пусть эксцентричным и наглым человеком, но в то же время любопытным и перспективным мужчиной. А Габриэль достались только снисхождение и жалость, как «бедняжке, у которой и выбора-то особого нет, сгодится и дикарь».

Все вдруг вспомнили о том, что их семья съезжает из Кастиеры из-за финансовых трудностей. И что весной ей исполнится двадцать один год, а это уже почти катастрофа! Ещё совсем чуть-чуть – и она окажется в старых девах, и что хоть она и из хорошей семьи, но в её положении следовало бы быть менее разборчивой, и уже принять чьё-нибудь предложение. А затем синьоры-сплетницы вздохнули, и снова обозвав её «бедняжкой», резюмировали, что предложений-то никаких и нет, несмотря на то, что Габриэль недурна собой и к тому же *бари*. Никто и не удивится, если через год она выйдет замуж за какого-нибудь лавочника и тем самым будет потеряна для общества. Так что «этот гроу хоть и спустился с гор, но для девушки в её положении стоило бы поставить свечку Пречистой Деве, если бы он сделал ей предложение».

Слышать это было унизительно, обидно и больно. Не то, чтобы она не знала этого где-то в глубине души, но сказанное вот так вслух да ещё в такой манере – это было омерзительно. И теперь ей казалось, что на балу все синьоры, перешёптывающиеся между собой, говорят только о ней, о её незавидном положении и слишком скромном платье, и это снисходительное сочувствие, которое виделось ей в каждом взгляде, приводило Габриэль в бешенство.

А виной всему оказались слишком самонадеянные высказывания мессира Форстера. Вот поэтому она стояла в густых сумерках галереи, наблюдая за тем, как «этот гроу» кружит в вальсе долговязую Джованну – младшую дочь синьора Домазо, и тихо его ненавидела. И ещё она злилась на отца, который успел так близко с ним сойтись, что с удовольствием представлял его всем их друзьям и знакомым, чем этот наглый гроу беззастенчиво пользовался.

Габриэль вспоминала слова Фрэн о том, что синьор Грассо советовал Форстеру танцевать с «дурнушками», и видела, как он старательно выполняет наставления своего друга. Форстер не пропустил ни одного танца и в самом деле танцевал с самыми некрасивыми девушками,

толстыми матронами и престарелыми синьорами. Подносил им бокалы, подвигал стулья, сыпал комплиментами, был учтив и предупредителен до тошноты, потому что Габриэль знала, зачем он это делает, и его галантность от этого выглядела изощрённым издевательством над южными традициями и этикетом.

Нельзя же так буквально понимать то, что сказал синьор Грассо?

Но, надо отдать ему должное, танцевал «этот гроу» красиво. Легко. Будто всю жизнь только этим и занимался. Но за этой лёгкостью и непринуждённостью таилось нечто другое – как за плавным тихим шагом тигра скрывается смертельная опасность, так и в этом человеке, в его действиях Габриэль виделось вовсе не желание получить удовольствие от праздника: все его движения были точны и выверены, словно танцы были для него работой, а не наслаждением.

Неужели они все не замечают, что это всё фарс?

Габриэль рассматривала его внимательно и жадно, не зная, чем объяснить своё любопытство. То, как он держал за талию своих партнёрш – уверенно и сильно, заложив за спину вторую руку, как склонялся для поцелуя, как быстро кружил юных и был внимателен с пожилыми синьорами – всё это притягивало взгляд. И всё это ужасно раздражало.

Разглядывая его из своего тёмного укрытия, Габриэль хотела только одного – чтобы этому Форстеру упал на голову камень или бы он, танцуя, растянул лодыжку, а лучше – две и ещё руку, и по этой причине не пришёл к ним на то чаепитие, которое решил устроить отец.

– Твой Форстер занят Джованной, как видишь, – шепнула Фрэн, обмахиваясь веером, – ну, идём же! Неужели ты пропустишь всё веселье из-за какого-то «гроу»? Ты же никогда не была трусихой, Элла?

– Он вовсе не «мой Форстер»! Фрэн! Это даже звучит мерзко! И с чего ты взяла, что я его боюсь? Он просто мне... неприятен. Как... как... как лягушка, например.

Она уверила кузину, что всё в порядке, не хватало, чтобы Франческа рассказала всем о том, как она расстроена. Вальс сменила мазурка, а за ней ожидалась кадрили, которую Габриэль обещала потанцевать с племянником синьора Таливерда. Она прошла к столикам с вином и пуншем, но едва взяла в руки бокал, как позади раздался голос, который она хотела слышать меньше всего:

– Вижу, с вашей ногой всё в порядке, синьорина Миранди, и я рад. Вы обещали мне вальс, надеюсь, следующий подойдёт?

Габриэль вздрогнула, обернулась и ответила, глядя на него с вызовом:

– Разумеется, мессир Форстер. Но, боюсь, следующей будет кадрили, и я уже обещала её другому синьору.

– Ну, тогда ему придётся подождать, – он подал ей правую руку и добавил с улыбкой, забирая бокал другой рукой, – потому что следующим танцем точно будет вальс.

– С чего бы такая уверенность? – спросила она, вздёрнув подбородок и провожая бокал взглядом.

Мазурка стихла, а зазвучавшие вслед за ней аккорды подтвердили – это действительно будет вальс. Левая бровь Форстера чуть приподнялась вверх, и Габриэль с раздражением подумала, что вот сейчас он скажет «Я же говорил», но он склонился и шепнул ей на ухо, чуть коснувшись дыханием щеки:

– С того, что я заплатил за него этому седому усатому маэстро.

И его рука легла ей на талию, привлекая к себе так, что сердце у неё ушло в пятки.

– Заплатили? О, Боги! Зачем?! – воскликнула она с возмущением, кладя руку ему на плечо, на самый край, стараясь сделать прикосновение почти невесомым.

– Затем, что я хочу потанцевать с вами, но вы не хотите танцевать со мной – пришлось пойти на маленький обман, – произнёс он, снова наклонившись к ней, и на этот раз сердце у Габриэль чуть не выскочило из груди.

Заплатить за танец? До чего же всё это было неподобающе! Похоже, этот человек вообще не видит никаких границ!

– Трудно придумать большую бестактность, мессир! Но вы даже как будто гордитесь этим? – сердито ответила она, отодвинувшись максимально далеко, отвела в сторону левую руку и чуть отклонила голову. – Если девушка не хочет с вами танцевать, может быть, не стоит быть таким упорным?

– Я же гроу, упорство у нас в крови, – произнёс он с усмешкой.

– Как стоять на своём, ослу объяснять не надо! – выдохнула Габриэль и тут же прикусила язык.

Как она могла такое сказать? Пречистая Дева! Так она скоро сама скатится до уровня «этих гроу»! А если он обидится?

Но он не обиделся, лишь улыбнулся и шутку явно оценил, а через мгновение они сорвались в танец.

Она не могла припомнить ни одного настолько безумного танца – чтобы ей было так жарко и страшно одновременно. Танца, в котором она бы пыталась всеми силами отстраниться от партнёра, быть как можно дальше и не видеть его лица, и в котором бы партнёр держал её так сильно и крепко и так близко, словно она вся уместилась в его ладони.

И это невероятно пугало и злило.

Неужели он не понимает, что такое «личное пространство», в которое нельзя вторгаться?

Но вся беда была в том, что он понимал. И делал это специально.

– Вы хорошо танцуете, Элья, – произнёс Форстер, наклонившись к её уху, когда они проходили первый круг, – вы, как лепесток, такая же невесомая и лёгкая. Как лепесток... розы...

– Вы можете не утруждать себя комплиментами! И для вас я не Элла, а синьорина Миранди. Попрошу вас воздержаться от излишней фамильярности, – Габриэль понадобились все её силы, чтобы сказать это с достоинством и не смотреть ему в лицо, потому что его слова обдали её горячим ветром странного возбуждения.

Он её отпустил, закружив, а когда она вернулась в фигуру танца – притянул к себе сильнее и спросил, глядя прямо в глаза:

– Почему вы так строги со мной, Габриэль?

Она вспыхнула вся, от корней волос до пят от этой неприличной близости, и произнесла резко, оттолкнув его и поспешно отстранившись:

– А почему вы так фамильярны, мессир Форстер?

Он поймал её руку, закружил снова, и они пошли вторым кругом вальса, более медленным, чем первый.

– Неужели вы всерьёз считаете, что я из тех женщин, кого можно купить за дюжину шляпок и туфель? – воскликнула Габриэль, больше не в силах сдерживать раздражение. – Зачем вы вообще меня пригласили? Вы что же, считаете, что раз неотразимы и богаты, то имеете право говорить подобные вещи? Гордитесь своей дремучей невоспитанностью? Считаете, что, танцуя с некрасивыми девушками и делая вид, что они вам нравятся, вы добьётесь признания их родителей? Вы же лицемер! Презирать всех вокруг, изображать учтивость ради каких-то ваших целей – вот зачем вы здесь! И я, по-вашему, должна быть с вами любезна? А вы будете говорить обо мне всё, что вздумается? С чего вы взяли, что вам это позволено? – это она уже почти крикнула. И снова оказавшись в опасной близости, добавила, тяжело дыша, и глядя ему прямо в глаза: – С чего вы взяли, что я вам это позволю?

– Купить вас за дюжину шляпок? Вы из-за этого так взъершились? В этом, значит, всё дело? В каких-то словах, вырванных из контекста? – ответил Форстер с некоторым удивлением.

– Вырванных из контекста? Так вы даже не станете отрицать, что говорили нечто подобное? – Габриэль едва не задохнулась от возмущения, но потом ответила с сарказмом. – Хотя... ничего удивительного, учитывая ваш... способ заработка.

– Мой... способ заработка-то тут причём? Он что, идёт вразрез с какими-то глупыми южными традициями и церемониями, милая Элья? – насмешливый голос Форстера прозвучал где-то над ухом. – Или в нём есть что-то недостойное?

– Возможно, это он накладывает отпечаток на ваш образ мышления, мессир, раз позволяет вам говорить подобные вещи! Вы же торгуете овцами, да? Думаете, что и все вокруг продаются и покупаются, как овцы? За мешок овса или дюжину шляпок? – ответила Габриэль ему в тон.

Казалось, музыка отступила и шум не мешал – так чётко слышались слова. И лучше было бы ей и вовсе молчать, потому что всякий раз, отвечая, Форстер наклонялся к уху, почти касаясь щекой её волос, и сердце замирало в испуге. Она отклонялась назад ещё дальше, запрокидывая голову, стараясь отстраниться насколько возможно, но в крепких объятиях Форстера сделать это было не так-то просто.

– Я не стану отрицать, что действительно говорил кое-что о принципах и шляпках, – ответил он, ничуть не смутившись того, в чём его уличили, – но делать вид, что вы знаете, о чём шла речь, не слишком-то вежливо, поскольку вы не присутствовали при этом разговоре. А если вы не слышали этого сами, то обижаться на чьи-то слова с чьих-то слов – больше похоже на обиду ради обиды... Но, я заметил, что южные традиции ценят больше форму, чем содержание. Неважно – что. Важно лишь – как. Я же ценю честность.

– Вы путаете честность и оскорбления, мессир!

– И чем же я оскорбил вас, синьорина Миранди?

Музыка стала стихать, и они остановились на краю двора в полумраке, отделённые от столика с вином большой фигурой целующихся лебедей, сделанных из цветов. Габриэль отступила, поспешно спрятав руки за спину и прижавшись к цветочной птице ладонями. Её щеки пылали, и раздувались ноздри, и она воскликнула, совершенно не задумываясь над тем, услышит ли кто их перепалку:

– Пусть и вырванные из контекста ваши слова не делают вам чести, какой бы богатый смысл они не содержали внутри! Но, я понимаю... Возможно, торговля овцами виной тому, что у вас нет представлений о допустимом, мессир Форстер, раз вы считаете, что можно насмехаться над тем, что моя семья небогата, и считать на этом основании, что женщину можно купить как какую-нибудь овцу или обменять на дюжину шляпок и туфель! Может, у вас в горах это считается нормальным. Может, южные традиции вежливости вы считаете глупыми. Но каким бы ни был контекст вашего разговора, подобная мысль для меня сама по себе возмутительна и унижительна. Особенно учитывая, что с ваших слов теперь думают обо мне в обществе! И мне бы не хотелось, мессир Форстер, чтобы вы когда-либо говорили обо мне... где угодно и... вообще в любом контексте!

Форстер, словно повторяя за ней, тоже заложил руки за спину и произнёс с лёгкой улыбкой:

– Похоже, что репутацию самого острого языка на всём Побережье вы заслужили не зря. Что же, с ваших слов, выходит, что я – бесчестный лицемер, дремучий, невоспитанный, фамильярный торговец овцами, спустившийся с гор, привыкший менять товар на женщин и рассказывающий истории, полные кровавого ужаса. Так? И хоть вы сумели выразить это всё весьма деликатно и тактично, только это ведь не меняет смысл слов. Но, поверьте, меня это совсем не оскорбляет. Потому что всё, что вы сказали – правда. Я и правда живу в горах и торгую овцами – и совсем не стыжусь этого. Именно овцы, как бы смешно это ни звучало, впустили меня в это «изысканное общество». Не буквально, разумеется. А вам бы я советовал не стыдиться того, что ваша семья небогата. И меньше значения придавать тому, что болтают о вас в этом, так

называемом «обществе». Хотя... честность, синьорина Миранди, это то, что я могу позволить себе, в отличие от вас.

Это было, как пощёчина. И Габриэль захотелось ударить в ответ. Причём не только словесно. Впервые в жизни ей захотелось ударить человека по лицу, стереть с него эту циничную самодовольную ухмылку и всеильную уверенность в его овечьем могуществе. Сказать ему что-то такое, чтобы ему было больно, но, как назло, на ум не приходило ничего остроумного и колкого.

– Учитывая вашу отповедь, мессир, и то, что вы недвусмысленно намекнули на мою лицемерную сущность, скажите, а в какую сумму вам обошёлся этот вальс? Потому что хоть моя семья и не богата, но я смогу найти деньги, чтобы компенсировать вам доставленные этим танцем неудобства и, надеюсь, больше никогда не побеспокоить вас своим присутствием и напоминанием о южных традициях, этикете и способах заработка! – произнесла она, вздёрнув подбородок и стараясь сохранить остатки самообладания. – А ваши советы можете... давать вашим овцам!

Мессир Форстер поклонился, приложив руку к сердцу, и произнёс с непроницаемым лицом, но глаза его при этом смеялись:

– Наоборот, синьорина Миранди, вы настолько хорошо танцуете, что от этого танца я получил ни с чем несравнимое удовольствие! И я заплатил бы маэстро в два раза больше, если бы вы согласились на ещё один вальс.

– Не могу сказать, что это удовольствие было взаимным, мессир Форстер. И я бы заплатила маэстро в пять раз больше, если бы он вообще забыл, что такое вальс и как его играть! Но если вы осмелитесь снова меня пригласить, то клянусь Богами, я оттопчу вам все ноги! – выпалила Габриэль яростно.

– Это было так невежливо, синьорина Миранди! Где же ваше южное воспитание? – рассмеялся Форстер.

– Вы же настаивали на честности, мессир Форстер! Как я вижу, вы привыкли покупать не только женщин, но и танцы, и одним Богам известно, за что ещё вы готовы заплатить! А теперь, прошу меня извинить, – она присела в реверансе, – я обещала кадрили синьору Таливерда.

Кадриль прошла как в тумане. Она танцевала и улыбалась, но внутри у неё бушевала гроза. Никогда в жизни Габриэль не чувствовала такой досады, злости и стыда, а ещё – желания пойти и содрать с рук перчатки и умыться, потому что она всё ещё ощущала прикосновения рук «этого гроу» и его дыхание на щеке, и от этих ощущений её пробирала странная дрожь. На неё, наконец-то, нахлынуло красноречие, и она мысленно сочинила целую проповедь о ценности южных традиций и том, что именно они отличают цивилизованных людей от дикарей. В голову пришло множество ярких эпитетов и метафор, и даже отрывки из трактатов, которые можно было бы привести в качестве примеров. Но, увы, всё это явилось с запозданием.

А вместе с красноречием пришёл ещё и стыд.

Как она могла такого наговорить? Вместо того, чтобы демонстрировать сдержанность и холодность, которые следует проявлять к людям не своего круга, вместо того, чтобы не замечать его фамильярности и наглости, вместо этого – она накричала на него, как последняя торговка рыбой! А если кто-то их услышал? Пречистая Дева, как же неудобно!

Почему-то в присутствии Форстера она чувствовала себя скованной и косноязычной и могла только злиться и думать о том, чтобы он провалился сквозь землю. А ей хотелось быть более холодной и остроумной, ей хотелось пригвоздить его словом к полу, чтобы он понял, насколько был неправ. Ей хотелось, чтобы он извинился и сказал, что ему жаль.

Так поступил бы любой воспитанный южанин, и в этой ситуации она знала, что делать и как себя вести. Она была бы снисходительна и мила, великодушно простила бы его невоспитанность и парой вежливых фраз поставила «этого гроу» на место.

Но Форстер не раскаивался и извиняться не собирался, и поставить его на место можно было лишь бестактностью в ответ на бестактность. Только это не было выходом, это лишь давало ему новый повод посмеяться над её манерами и воспитанием.

Будь она мужчиной – вызвала бы его на дуэль. Но она не мужчина. И из всех мужчин, кто бы, в теории, мог вызвать Форстера на дуэль, был только её отец. А уж допустить дуэль между ними ей не приснилось бы и в страшном сне. Но мысль о дуэли и о том, с каким наслаждением она выпустила бы пулю в грудь этому наглецу – эта мысль показалась ей неожиданно приятной.

* * *

– Послушай, Алекс, – синьор Грассо подошёл к Форстеру, едва тот закончил танцевать с Габриэль, – Домазо готов встретиться завтра утром. Твоё предложение показалось ему довольно интересным, и он обещал подумать, как лучше преподнести его герцогу. Так что у меня всё пока идёт по плану. Надеюсь, ты за время моего отсутствия успел влюбить в себя женскую половину общества? Или опять пугал их ужасами о вырванных сердцах?

– По правде сказать, эта кадриль сидит у меня уже в печёнках. Но, как видишь, я не пропустил ни одного танца, и недостатка в желающих у меня нет, – Форстер отпил вина и шагнул в тень, укрывшись за колонной, – только не знаю, надолго ли меня хватит. Так долго изображать идиота – сильно утомляет.

– Вижу, Паола Кавальканти не сводит с тебя глаз, – усмехнулся Винсент, – между прочим она родственница синьора Таливерда. Дальняя, но тем не менее. И бари к тому же... Такой брак мог бы всё изменить в твою пользу.

– Винс, ты же не всерьёз? Она молодая, глупая и страшная до икоты, уж прости за прямоту.

– А тебе нужна старая, умная и красивая? – усмехнулся Винсент. – Ты бредишь? С каких это пор молодость и глупость стали женскими недостатками? Она, конечно, не красавица, но учитывая её родство с Таливерда...

– Даже не предлагай!

– Ладно, а Лучиана Фарини? – не унимался Винсент, испытывающе глядя на друга. – Она тоже бари. Её семья, правда, совсем уж бедна, но тебе это ведь на руку.

– Лучиана? Я с трудом выдержал с ней кадриль и мазурку, как, по-твоему, я смогу прожить с ней целую жизнь? Она ещё глупее Паолы, и очень любит поговорить.

– Джованну Домазо не предлагаю – синьор Домазо любит младшенькую дочь, хотя... Всё возможно... Посмотрим, как завтра пойдёт с ним разговор.

– Джованна вообще ребёнок, там даже платюю не за что держаться! Уж, прости, но жениться на четырнадцатилетней я не буду даже ради места в палате. Винс, перестань изображать сваху! Тебе это не идёт.

– Вообще-то ей шестнадцать... скоро будет, – усмехнулся синьор Грассо, – вполне уже подходящий возраст, подождёшь полгода... Только ты ведь по другой причине воротишь нос, мой друг, да? Боишься проспорить? Брось! Я ведь пошутил. Тебе стоит думать о палате, а не о голубых глазах синьорины Миранди.

Форстер повернулся к другу и спросил, чуть прищурившись:

– И с чего ты взял, что я думаю о них?

– С того, как ты смотришь на неё, – Винсент перестал улыбаться и, глядя в серьёзное лицо Форстера, добавил: – Не увлекайся ею, Алекс. Ты всё равно ничего не добьёшься. Она очаровательна и мила, но ты просто теряешь время.

– Она меня не особо интересует, – пожал плечами Форстер и отвернулся.

– И ты именно поэтому заплатил за вальс с ней? – продолжил подтрунивать Винсент. – Я всё видел. Брось, Алекс, последний раз такой взгляд у тебя был, когда ты выследил болотного

тигра, что вырезал деревню в Ашире. И дело тут уже не в ящике вина, как я понимаю. Ты, конечно, сам решаешь, но я бы тебе советовал как друг – займись лучше Паолой.

– Если уж на то пошло, то я женюсь, только если это будет вообще единственный выход из всех возможных. И ты знаешь почему. Так что хватит уже об этом, – отмахнулся Форстер.

– Да, да, я помню про твоё отношение к женским принципам.

Форстер понимал, конечно, что Винсент желает ему добра, но мысль о том, чтобы жениться на одной из этих южных никчёмных синьорин была ему противна. Он безупречно играл свою роль: целый день развлекал женщин, танцевал с ними, держал их зонтики и веера, приносил напитки, подвигал стулья, но единственное, что хоть чего-то стоило в этом цирке глупых церемоний – тот вальс, за который он заплатил упрямому маэстро триста сольдо.

Эта синьорина Миранди... она так не хотела с ним танцевать...

Но её возмущение и сопротивление, попытка отстраниться от него и её гнев, который должен был поставить его на место – всё это вместе лишь подстегнуло азарт.

А ещё её лицо, когда она дерзила ему, пряча за спиной испачканные руки... пахнущие мятой и такие нежные... И это пятно сажи на носу... И то, как старательно она оттирала платком его поцелуй, будто это именно он испачкал её руки своим прикосновением.

«Она очаровательна и мила...»

Винс прав – она очаровательна и язык у неё, правда, острый, она одна не лепетала милые глупости, которые принято обсуждать на балах. Да что там, таких строгих наставлений он не слышал даже от своей матушки в глубоком детстве... Нет, она не просто очаровательна...

Задержи его медведь! Винс знал, чем его зацепить.

Спор с другом на ящик вина вдруг обрёл реальное значение, и Форстеру захотелось выиграть этот спор. Захотелось, чтобы синьорина Миранди – эта колючая южная роза – ждала от него приглашения на танец. Чтобы хотела его слушать, как эта курица Паола, и чтобы слушала, склонив голову, как Лучиана, а её ресницы при этом трепетали от тех слов, которые он говорил. Чтобы перестала видеть в нём дикаря... Хотя... она уже назвала его неотразимым. Ну-ну.

Он отхлебнул из бокала и усмехнулся.

У неё красивая линия скул, и такая гордая осанка... А её губы...

Лесной дух! Не стоит ему думать о её губах. И об этом глупом споре. Им же с Винсом не по шестнадцать лет. Что, вообще, на него нашло?

Форстер снова усмехнулся.

А он уже и забыл о том, что можно увлечься женщиной так быстро и так сильно. Но Винс прав...

Задержи его медведь! Винс всегда прав.

Ни к чему это...

Синьорина Миранди с её дерзостью и южным очарованием нужна ему так же, как прошлогодний снег. Надо быстрее закончить дела и ехать в Трамантию.

Глава 5

Об игре в шарады и сделках с совестью

На следующий день после завтрака гости отправились на священную гору в монастырь Невинных дев. Там по обычаю родители жениха должны были сделать щедрое пожертвование и прочесть молитвы, благодаря Богов за скромность и целомудрие невесты.

Торжественная кавалькада колясок, украшенных цветами и лентами, проехала верхней дорогой, разбрасывая по обочинам зёрна пшеницы и лепестки роз, одаривая нищих медными монетами и сладостями. Когда жизнь новой семьи начинается с благих дел, то и Боги будут к ней добры.

Габриэль разглядывала толпу – хотела быть уверенной в том, что мессир Форстер не окажется внезапно где-нибудь поблизости. Но, к счастью, его нигде не было видно, и она вздохнула с облегчением.

Вот было бы здорово, если бы он вообще не появился!

Но надежды Габриэль на то, что дальше она сможет наслаждаться вальсами, а не прятаться в темноте как вчера, рухнули, едва их процессия вернулась с прогулки. Мессир Форстер не только оказался среди гостей, более того – он как ни в чём не бывало беседовал с её отцом в тени густых деревьев у стола с закусками.

Синьор Миранди на прогулку не поехал, сославшись на разболевшееся колено, но, по всей видимости, общество столь «приятного» собеседника, как мессир Форстер, сняло его недуг как рукой. Что такого нашёл в «этом гроу» её отец – для Габриэль оставалось загадкой, но, увидев их вместе, она ужасно разозлилась. Сердце рвануло вскачь, потому что она полночи провела без сна, перебирая в уме, что можно было бы сказать в ответ на вчерашние колкости «этого гроу». И, с одной стороны, теперь у неё просто язык чесался от нетерпения взять реванш, а с другой, она понимала, что ничего хорошего из этого не выйдет, и лучше бы ей вообще ускользнуть от внимания наглого северянина. Поэтому подойти к ним Габриэль не решилась. Не хватало ещё, чтобы кто-нибудь подумал ненароком, что она ищет общества «этого гроу». Но укрыться в беседке от зорких глаз мессира Форстера ей не удалось – он увидел её издали, учтиво поклонился, шепнул что-то синьору Миранди, и отец тут же обернулся, помахал рукой, предлагая присоединиться к ним.

Я буду вежливой и спокойной...

Я сделаю вид, что ничего не было...

Она поцеловала в щёку отца, распахнула веер и принялась обмахиваться, чтобы хоть как-то скрыть своё волнение.

– Синьорина Миранди, – Форстер учтиво её поприветствовал, церемонно поцеловал руку, затянутую в изящную кружевную перчатку, и добавил тихо, так, чтобы синьор Миранди точно не услышал, – как жаль... что нет повода предложить вам снова свой платок.

Габриэль вспыхнула.

Этот наглец никак не уймётся? Да как же можно быть таким невоспитанным! Зачем всё время намекать девушке на её нечаянный конфуз?

– «Как жаль», что дела так надолго задерживают вас на юге, мессир Форстер. Вы северянин, и, наверное, жутко страдаете от нашей жары. На вашем месте я бы просто мечтала о том, чтобы поскорее отсюда... уехать, – произнесла Габриэль с притворным сочувствием, проигнорировав напоминание о её вчерашнем фиаско. Она едва удержалась, чтобы не сказать «поскорее отсюда убраться», но вовремя остановилась и спросила с ледяной вежливостью: – Так как скоро вы уезжаете?

– Не раньше, чем осмотрю ваш прекрасный сад, синьорина Миранди, – улыбнулся Форстер, сделав вид, что не заметил сарказма, – у нас в горах розы не растут, знаете ли. Только

шиповник. А мне хотелось бы увезти с собой какое-нибудь тёплое воспоминание о нашей встрече... помимо вчерашнего чудесного вальса, – он повернулся к синьору Миранди и добавил, – ваша дочь прекрасно танцует, Витторио. Мне понадобилось немало усилий, чтобы выкроить местечко в её расписании танцев.

– Вашей изобретательности можно только удивляться, мессир, – тихо ответила Габриэль.
Он уже называет отца по имени! Немыслимо!

– Да, Александр! – воскликнул синьор Миранди. – Это у неё от матери. Моя Джулия прекрасно танцевала. Я впервые увидел её именно на балу и сразу же влюбился! Представьте, что мне понадобилось целых два года, чтобы добиться её согласия.

– Но вы оказались упорным, Витторио? – с усмешкой спросил Форстер, глядя при этом на Габриэль.

– Скорее, упрямым – это правда. Но и она была просто ужас, какая упрямая! Сказала, что я вечный студизус и книжный червь, что я корплю над черепками и костями и не замечаю ничего вокруг. А знаете, чем я её подкупил?

– Чем же? – левая бровь Форстера взметнулась вверх.

– Розами. Очень уж она их любила. Поверите ли, что я посылал ей каждый день корзину роз целых три месяца?

– И под натиском этих роз её принципы пали? – усмехнулся Форстер.

– Ещё как пали! – рассмеялся синьор Миранди.

– У всех принципов есть своя цена, Витторио, – ответил Форстер многозначительно и посмотрел при этом на Габриэль.

И зачем только отец рассказывает ему это? Зачем он вообще говорит о матери с «этим гроу»?

Ей было неприятно, что Форстер поставил в один ряд свои рассуждения о треклятых шляпках и то, что она помнила о матери и её принципах.

Синьорина Миранди была женщиной безупречного воспитания, она бы лучше умерла, чем поступилась уважением к себе! И она любила отца, а Форстер опять свёл всё к цене и стоимости. Да кто вообще дал право этому дремучему горцу говорить о ней!

– Отец забыл сказать, что они любили друг друга, мессир Форстер, – произнесла она холодно, – а посылать любимой женщине цветы не то же самое...

Она хотела повторить его фразу о шляпках и туфлях и едва сдержалась – отец бы не понял её внезапных нападок, поэтому Габриэль, с шумом сложив веер, присела в реверансе и добавила:

– Впрочем, неважно. Прошу простить, я совсем забыла, что обещала Фрэн помочь... с одним делом. Извините.

Она бросила на Форстера взгляд, полный ледяного презрения, и удалилась, едва сдерживая гнев. Шла и думала о том, что никогда ещё не испытывала к человеку такой жгучей ненависти. И такого желания отомстить.

Габриэль пыталась успокоить себя тем, что синьорина Миранди точно бы не одобрила это её желание и сказала бы, что воспитанная девушка не должна думать о мести. Воспитанная девушка должна пойти в храм и просить Богов избавить её от таких неподобающих желаний. Но мысли о молитве и храмовой тишине, наполненной ароматами ладана и мирры, почему-то вызывали только раздражение. Думалось совсем не об «избавлении от желаний», а о том, что сейчас она как никогда понимает, почему мужчины вызывают друг друга на дуэль.

– Элла! – Франческа появилась внезапно, как обычно, вся пылающая от нетерпения. – Мы идём играть в шарады! А вечером будет спектакль! Ты знаешь, что в саду уже соорудили сцену? Идём с нами! А ещё я хочу кое с кем тебя познакомить! И, поверь мне, – добавила она уже шёпотом, – ты будешь приятно удивлена.

Глаза Фрэн сияли, она схватила кузину за руку и потащила за собой, а Габриэль и не сопротивлялась. Мысли её настолько были заняты предыдущим разговором, что она даже не заметила, как внезапно они оказались перед группой офицеров в синих мундирах королевских войск.

– Господа, позвольте вам представить мою кузину Габриэль Миранди. Элла, моего кузена Фредерика ты помнишь, а эти господа служат с ним вместе – капитаны Энцо Корнелли и Никола Моррит. Они только что приехали с севера, из экспедиционного корпуса. Ах, как жаль, что вы не видели вчерашнюю церемонию!

Пока они обменивались любезными приветствиями, Франческа успела наклониться к уху Габриэль и заговорщицки прошептать:

– Ты помнишь, что тебе сказала гадалка? Между прочим, Никола Моритт уже пригласил меня на все сегодняшние вальсы, так что тебе придётся танцевать с Энцо. Он, кстати, очень недурён, не женат и он – ка-пи-тан! Осталось только встретить загадочного незнакомца и выбрать...

Габриэль усмехнулась и подала для приветствия руку капитану Корнелли. Он и правда был хорош собой, на голову выше Габриэль и прекрасно сложен, светлые волосы чуть вились, падая на лоб, и серые глаза смотрели слегка с прищуром, может, несколько оценивающе, но взгляд, которым он её окинул, был полон восхищения, и такую бестактность она тут же ему простила. Капитан склонился к её руке в галантном поцелуе, и на его плече блеснула нашивка экспедиционного корпуса – золотой лев на зелёном поле.

Ей вдруг вспомнились карты гадалки, и на мгновение в сердце Габриэль закралось нехорошее предчувствие. Но, как девушка разумная, она тут же отмела его в сторону, решив, что именно предсказание гадалки заставляет её теперь замечать то, на что раньше он бы не обратил внимания, например, на львов и капитанов.

– Вы же будете играть с нами в шарady? – спросила лукаво Фрэн, и мужчины тут же согласились.

Капитан Корнелли подал руку Габриэль, и они направились туда, где гостеприимные хозяева обещали устроить вечерний спектакль. Сцена, украшенная лентами, драпировками и цветами пряталась в тени больших старых лип. Вокруг уже стояли плетёные стулья с разложенными на них подушками, и желающих поучаствовать в предстоящей игре собралось немало, в основном юные синьорины и молодые синьоры, мечтающие остаться без общества старших под вполне благовидным предлогом.

– Что мы будем изображать? – спросила Фрэн, когда первые две шарady были разгаданы. – Что-то связанное с женихом и невестой? Или со свадьбой?

Всё, что касалось всевозможных выдумок, обычно отдавалось на откуп Габриэль.

– Не обязательно. И вообще, нужно придумать что-то, о чём никто не догадается, ты же видишь, как быстро стало понятно, что такое Монастырь невинных дев. И, потом, это должно быть смешно.

– Смешно?

– Ну да, иначе зачем вообще играть, – улыбнулась Габриэль, её глаза блеснули, и она прошептала на ухо Фрэн, – у меня есть одна идея. Но если ты струсил, так сразу и скажи.

– Почему ты думаешь, я струшу? – возмутилась кузина.

– Потому что это будет... довольно дерзко. И на грани приличий.

– И что это? – глаза Фрэн округлились.

– Увидишь, но нам нужен будет мужчина. Ты можешь попросить Фредерика нам помочь?

Габриэль вспомнила своё желание пустить пулю в грудь мессииру Форстеру и торжествуя улыбнулась – пожалуй, она придумала, как отомстить этому наглецу.

Фрэн, конечно, была против, но Габриэль назвала её трусихой, а Федерик идею с вос-
торгом поддержал, что тут же сломило сопротивление кузины, и втроем они, собрав нужный
реквизит, вышли на сцену.

В ход пошли несколько тонкорунных овечьих шкур, украшавших пол у камина синьора
Таливерда, бараньи рога из его же охотничьей коллекции, и наспех сооружённая из свадебных
украшений корона. Во всё это был облачён Федерик – шкуры, скреплённые между собой, пре-
вратились в длинный плащ, на голову были надеты рога, а поверх них закреплена корона. Габ-
риэль и Фрэн несли импровизированную мантию, когда с величественным видом, опираясь на
трость, Федерик вышел на сцену.

– Королевская мантия... Коронация? – воскликнул кто-то.

– Да, но почему рога?

– Нет! Корона – это золото, рога – это баран. Золотое руно? – возразил ему кто-то.

– Нет? Странно...

– Баран – это глупость? Король глупости?

– Король-баран?

Догадки полетели с мест одна за другой. Федерик очень натурально изобразил овечье
блеянье, и вся публика принялась смеяться, а дамы схватились за веера. Фрэн стояла вся крас-
ная от натуги, так сильно ей тоже хотелось рассмеяться, а Габриэль шепнула Федерику:

– Давайте пройдемся по сцене.

Они дали круг, Никола Моритт принёс один из стульев в белом чехле с большим бан-
том позади спинки. Федерик присел на него с торжественным видом, забросив ногу на ногу,
и небрежным жестом поправил огромные рога, привязанные под подбородком атласной сва-
дебной лентой. А девушки встали по бокам, присев в реверансе. Выглядело это настолько
комично, что публика принялась аплодировать им со смехом. Габриэль заметила широкую
улыбку Энцо Корнелли, который оглушительно хлопал в ладоши, и было видно, что смысл
шарады он понял правильно. Он стоял к сцене ближе всех и, наклонившись так, чтобы слы-
шала только Габриэль, произнёс:

– Это ведь «Овечий король». Я угадал?

Габриэль улыбнулась ему в ответ и хотела уже объявить победителя, но неожиданно в её
руку впились холодные пальцы Фрэн, а над ухом раздался испуганный шёпот:

– О, мой Бог, Элла! Слева, посмотри!

Чуть в стороне в тени ветвей, прислонившись плечом к одной из старых лип, стоял мес-
сир Форстер, скрестив на груди руки. Сколько он там стоял – неизвестно, может быть, даже
с самого начала представления. Толстый ствол дерева закрывал его от взглядов публики, но
сцена ему была видна прекрасно. Тонкая усмешка замерла у него на губах, их взгляды схлест-
нулись, и он чуть кивнул Габриэль, словно давая понять, что тоже оценил представление. Но
синие глаза не смеялись. Её стрела попала в цель – Форстера явно разозлила эта шутка. Он
сделал несколько беззвучных хлопков ладонями, и Габриэль внезапно затопила волна стыда.

Пречистая Дева! Что она наделала!

С одной стороны, ведь именно этого она и хотела – отомстить.

И вот теперь он на её месте, и вот теперь ему тоже неприятно, но ей показалось, что своей
шуткой она причинила ему боль, таким отчуждённым и холодным казалось его лицо. А она
ведь хотела совсем другого. Если задеть, то не так сильно, не так глубоко. Чтобы он просто
понял, что был неправ...

Неправ перед ней.

А в итоге она сделала его посмешищем в глазах других. Почему она не подумала об этом?

И от этого Габриэль стало не по себе. Она внезапно осознала, что её шутка – просто
верх бестактности. Ослеплённая своей ненавистью и желанием отомстить она перешла всякие
границы.

Как же стыдно! Она не должна была так поступать...

Это отвратительно...

Пусть он гроу, пусть у него нет манер и он дурно воспитан, пусть он говорил о ней гнусные вещи, но она не должна была опускаться до его уровня!

Как она могла?

Кровь бросилась в лицо, и она поспешно отвела взгляд.

– Может, горный король? – произнесла прекрасная Бланка. – Эти рога мой отец привёз с охоты в горах Трамантии.

Габриэль сжала руку Фрэн и, шагнув вперёд, произнесла громко:

– Победила синьора Бланка. Это действительно горный король.

Когда они спустились со сцены, у неё даже колени дрожали, и она, наверное, упала бы с лесенки, но Энцо Корнелли оказался рядом и тут же подал ей руку.

– Но угадал ведь я? – спросил он, чуть склонившись к её уху.

– Синьор Корнелли, возникли некоторые обстоятельства, – она скосила глаза в сторону.

Проследив за её взглядом, капитан воскликнул:

– Надо же, а «его величество», оказывается, в первых рядах! Кто бы мог подумать, что персонаж вашей шарады будет подсматривать за нами. Что же, тем хуже для него.

– Пойдёмте отсюда скорее, – Габриэль хотела уйти в другую сторону, но Форстер оттолкнулся от дерева и сделал им навстречу несколько шагов.

Его лицо было ледяным, не лицо – каменная маска, он прищурился, и в это мгновение как никогда стал напоминать хищную птицу.

– Вижу, вы стали посещать приличное общество, Форстер, – произнёс капитан, когда они поравнялись, – больше не ставите заборы и не пасёте овец? Дела пошли в гору?

– Вижу, что и вы больше не воруете гусей по деревням несчастных горцев. Это капитанская форма так вас облагородила или генерал Корнелли, наконец, увеличил жалованье? – парировал Форстер.

– Позже поговорим, – отрезал капитан, – не при дамах.

– Буду ждать с нетерпением, – усмехнулся Форстер и, переведя взгляд на Габриэль, добавил, – чудесная сценка, синьорина Миранди! Полная южной деликатности и тактичности, которую вы так цените. Я испытал истинное наслаждение, наблюдая за вами.

Габриэль не ответила. Отвернувшись, стараясь не смотреть ему в лицо, и поспешила прочь. Ей было ужасно стыдно. И злость на себя за то, что она опустилась до такого, была неотделима от злости на «этого гроу». Если бы не он, она бы ни за что так не поступила!

Да чтоб он провалился!

А ещё её напугал странный огонь в его глазах и выражение лица – серьёзное, жёсткое и какое-то безжалостное, когда он смотрел на её спутника. И как только они отошли с капитаном Корнелли на достаточное расстояние, чтобы их нельзя было услышать, она спросила, выдохнув с облегчением:

– Вы знакомы?

– С Форстером? О, да! Я целых два года провёл в окрестностях Волхарда, гоняя отряды бунтовщиков по окрестным горам и лесам. А Форстер прятал их у себя, – ответил Корнелли. – Эти горцы – сущие бестии. Безжалостные и дикие. Там полегло немало наших солдат...

– Форстер прятал их у себя? Но... он же королевский офицер? Я слышала, он служил в Бурдасе, зачем ему помогать повстанцам? – спросила Габриэль с сомнением.

– Дурное дело – не хитрое, синьорина. Вы знаете, что его отец участвовал в Восстании Зелёных плащей? И его дядя до сих пор прячется где-то там, в горах, с остатками бунтовщиков устраивает засады и налёты на наши гарнизоны. И, кстати, Форстер давно уже не королевский офицер – его разжаловали.

– Его отец был повстанцем? – удивилась Габриэль. – А сын воевал за короля? Но как такое возможно в одной семье?

– Да, это так. Его отца – старого Форстера, как раз и вздёрнули на виселице за это, простите синьорина, что приходится говорить вам такое, – произнёс задумчиво капитан Корнелли, – потому мне было странно увидеть его здесь. Видимо, он крепко наступил на горло своей гордости. Но знаете, как говорят про таких: «Утренняя молитва – овцам, вечерняя – волкам». Вот и Форстер, похоже, из таких приспособленцев. Все эти Форстеры – волки в овечьей шкуре, как бы они ни притворялись, что присягнули королю, всё равно, смотрят в лес и проповедуют свою богомерзкую магию. Ну и готовят восстания, конечно.

– Что значит проповедуют магию? Расскажите, капитан, это жутко интересно! Вы, наверное, видели столько всего необычного, пока служили там! – спросила Габриэль с восторгом.

Восторга она на самом деле не испытывала, но мужчины любят, когда женщины восторгаются чем-нибудь, в чём те преуспели, а Габриэль любопытно было узнать кое-что о Форстере.

– Все эти гроу – дикари, синьорина, – ответил капитан, которому было приятно такое внезапное внимание со стороны красивой девушки, – они живут кланами в своих замках и поклоняются духам гор. У каждого клана есть свой родовой дух – какой-нибудь зверь или птица. Волк, медведь, олень – да кто угодно! Вон, у Форстеров это беркут – большой горный орёл. У них есть заповедные места, какие-то священные рощи или скалы, всякие суеверия, приметы, капища с идолами, и они могут вселять свой дух в любого зверя, или зверь может вселяться в них.

– Вселяться в зверя? – удивилась Габриэль. – Разве такое возможно?

– Я не хочу пугать вас, синьорина, всякими страшилками о местных поверьях, но там и правда происходят иногда странные вещи. А горцы верят в это всё свято, я же говорю вам – дикари. Знали бы вы, сколько мы сожгли их жутких идолов и священных мест! Вон у того же Форстера на заднем дворе растёт огромный дуб. Поверите ли вы, синьорина, что его люди молятся этому дубу? Но, надеюсь, скоро всё это закончится. Как только примут закон об экспроприации, мой отец поставит наместников в каждый клан, земли отойдут короне, и мы, наконец, избавимся от этой дремучей ереси и бунтовщиков.

Габриэль и раньше слышала, в основном из разговоров отца с его университетскими коллегами, об интересных обычаях горцев, о том, что они очень близки к природе и понимают в жизни животных, растений и птиц больше, чем южане. Но отец не считал это магией, он считал это лишь результатом уединённого образа жизни и наблюдений за природой. А вот сейчас, после этого рассказа, Габриэль готова была поклясться, что в Форстере есть что-то от хищной птицы. Или ей стало так казаться, потому что капитан говорил очень уж проникновенно?

– Вы сказали, что Форстера... разжаловали? – спросила Габриэль. – За что?

– Он застрелил одного из офицеров гарнизона. Но это было уже довольно давно, я только начал служить там, – ответил Корнелли неохотно.

– Застрелил? Но... за что?

– Горцы очень трепетно относятся ко всему, что касается чести.... Но не думаю, что вам стоит знать подробности этой истории. Она произошла из-за женщины, и мне бы не хотелось говорить об этом. Лучше давайте поговорим о вас, – Корнелли посмотрел на Габриэль с улыбкой.

Вот уж точно сущее неприличие – быть разжалованным из-за женщины! Наверное, это и правда, мерзкая история. Хотя, чего она вообще ожидала от этого гроу?

Но во всём этом была и положительная сторона – мессир Форстер и капитан Корнелли явно недолюбливали друг друга, и Габриэль поняла, что пока она находится рядом с капитаном, «этот гроу» едва ли осмелится подойти к ней с разговорами или приглашениями на вальс. И этим стоило воспользоваться.

Мессир Форстер и в самом деле держался в стороне – проводил время в обществе других девушек, а особенно Джованны Домазо и Паолы Кавальканти. Но его присутствие всё равно отравило ощущение праздника. Куда бы она ни пошла, с кем бы ни танцевала, Габриэль чувствовала, как за ней наблюдают его пронзительные синие глаза, и как бы ни хотела его не замечать, но их взгляды то и дело пересекались, словно притянутые невидимым магнитом.

* * *

Этим вечером, лёжа в кровати в одной из комнат виллы «Роза Боско» и глядя в темноту, Габриэль вспоминала прошедший день и, как обычно перед сном, перебирала воспоминания о том, что случилось с ней – хорошее или плохое. Она вспоминала серые глаза капитана Корнелли и те слова, что он ей говорил, и улыбалась. Капитан оказался милым и приятным собеседником, он хорошо танцевал и был исключительно внимателен. Провожая её к комнате, он остановился на лестнице и, поцеловав на прощание руку, произнёс:

– Мне очень понравился сегодняшний день, синьорина Миранди. Могу ли я рассчитывать на то, что завтра он повторится?

И она, разумеется, ответила «Да».

Фрэн что-то щебетала о завтрашнем карнавале, но Габриэль её не слушала, думая об Энцо Корнелли, и уже собиралась заснуть, когда из сладкой дрёмы мечтаний и полусна её вырвал голос кухни:

– Элла? Ты не спишь? А ты знаешь, что Паола Кавальканти без ума от «этого гроу»? Вот уж кто бы мог подумать, она буквально висла на нём весь вечер. Как и Джованна Домазо.

– Джованна ещё слишком мала, чтобы что-то понимать в мужчинах. Он годится ей, наверное, в... деды, – усмехнулась Габриэль, – да и к тому же все понимают, что подобный мезальянс не приснится её отцу даже в страшном сне. А что касается Паолы... сомневаюсь, чтобы этот заносчивый Форстер имел на неё серьёзные виды. Все же знают, что у неё за характер.

– А ещё он понравился Лучиане, – произнесла Фрэн и добавила шёпотом, – и они с Паолой заигрывали с ним, как дурочки, и чуть не подрались.

– И вот зачем ты мне это говоришь так, как будто рада за него?

– Затем, что я только сейчас перестала с ужасом думать о том, как бестактно мы поступили, едва не высмеяв его сегодня перед всеми. А представь, что ты бы со сцены сказала: «Овечий король». И все бы поняли! А он увидел! Я даже подумать боюсь, что он мог бы с нами сделать! – Фрэн снова перешла на шёпот.

– Да ничего бы он с нами не сделал! И вообще, ты столько о нём думаешь – слишком много чести для какого-то гроу! Или, может, он и тебе понравился, как Паоле? – спросила Габриэль лукаво.

– Мне? О нет! Если честно, – голос Фрэн понизился до шёпота, – я его просто боюсь. Правда, боюсь. Иногда он так смотрит, словно... ну не знаю, даже сердце в пятки уходит. А понравился мне кое-кто другой, и если бы ты не утатила меня тогда из шатра Сингары, я уверена, она сказала бы и мне про капитана!..

И дальше Фрэн пустилась на все лады расхваливать, какой же умница этот капитан Моритт, как метко он стреляет, хорошо держится в седле, сколько у него наград и как ему идёт синий мундир. Откуда она узнала, как капитан стреляет и держится в седле – осталось для Габриэль загадкой, но она кухню почти не слушала, лежала, думая о том, что где-то в глубине души она тоже немного боится Форстера. Особенно после рассказа капитана Корнелли о магии горцев. И ей всё ещё очень и очень стыдно. Сейчас она ужасно хотела забыть эту игру в шарady или повернуть время вспять, чтобы всё исправить.

Да, он ей не нравится. Да, он не воспитан и самонадеян. Но ей, наоборот, в этой ситуации стоило бы показать безупречное воспитание южанки. Стоило бы вспомнить наставления

матери и вечером сходить в храм – попросить у Богов смирения. И, пожалуй, было бы правильно извиниться перед этим Форстером. Хотя это будет очень неприятно с одной стороны, но с другой – это выбьет из его рук любое оружие против неё. Именно холодность, вежливость и хорошие манеры ей стоило демонстрировать с самого начала. Тогда у него не было бы повода насмехаться над ней. А она повела себя глупо, высказывая ему свои обиды. И эта игра в шарады, это же так по-детски...

И как ей только в голову взбрело его разыграть?

Нет, она больше не будет говорить этому Форстеру, что вздумается. Она будет вежливой и холодной. А завтра она попросит у него прощения. Это будет правильно и благородно. И ему ничего не останется, как оставить её в покое.

И, заключив эту сделку со своей совестью, Габриэль уснула с мыслью, что завтра с утра именно так и поступит.

Глава 6

О том, что гордость – плохой советчик

– А вы что думаете, мессир Форстер? Вы же деловой человек, по-вашему, стоит ли держать эти облигации? Или лучше продать и вложить деньги в сандарское пароходство? – спросил синьор Миранди, разглядывая карты на столе.

Они играли в квинту на большой летней веранде синьора Таливерда. Ночь уже спустилась в сад, танцы закончились, и гости в основном разошлись. Мягкие сумерки разбавлял жёлтый свет фонарей, воздух стал прохладным, и в саду, наконец, наступила тишина. Синьор Грассо сидел возле Форстера, сейчас они играли пара на пару против племянников синьора Домазо и негромко разговаривали между собой.

– Сандарское пароходство, без сомнения, выгодное вложение, ведь за пароходами будущее. Но это долгие деньги, Витторио. Проценты растут медленно. А если хотите быстрых денег, то, несомненно, стоит вложиться в южную рокаду. Это строительство – большой мыльный пузырь, – ответил Форстер, беря очередную карту, – но если бы я хотел получить большой процент, то, разумеется, купил бы эти облигации сейчас и продал их зимой. Разница в цене, я думаю, будет неплохой. Во всяком случае, точно выше, чем процент, который даст вам банк за это же время. Я бы рискнул. А уж потом вложил их в пароходство.

– А что вы думаете, синьор Грассо? – спросил синьор Миранди.

– Я не слишком разбираюсь в облигациях, у меня для этого есть маклер. Но если Алекс говорит, что дело стоящее – я бы ему поверил. Уж в вопросах зарабатывания денег он точно даст мне фору, – усмехнулся Винсент.

Синьор Миранди уже давно вышел из игры, едва только ставки поднялись выше ста сольдо, но он ещё некоторое время сидел за столом, расспрашивая Форстера о выгоде некоторых вложений. А когда он, наконец, ушёл, Винсент вернулся к прерванному с его появлением разговору.

– Так, значит, она тебя разыграла? И поделом тебе! Говорил же – не лезь! И готовь ящик вина, мой друг – ты почти проиграл, – он с усмешкой бросил карту метким движением, а затем добавил негромко, глядя на задумчивое лицо Форстера. – Между прочим у меня три тройки, если ты вообще замечаешь, что происходит за столом.

– А ты, как я вижу, доволен? Не рано ли сбросил меня со счетов? – ответил Форстер с сарказмом, беря из колоды две карты. – Ещё один день, Винс. У меня есть ещё один день. Хотя... в последний момент она всё-таки струсила, эта синьорина Миранди. Так и не сказала, что это был «Овечий король». А я думал – она смелее.

– Ну, видишь, зато твоя честь не пострадала. Никто же не понял.

– Пострадало самолюбие, Винс. Видел бы ты лицо Корнелли... Щенок просто лоснился от превосходства.

– Забудь. Ты же помнишь, о чём я предупреждал тебя в первый день?

– «Просто терпи их презрение молча – и всё получится» – ты об этом? – спросил Форстер тихо, чтобы не слышали остальные, и положил четвёртую карту. – Как же, помню! Я и терпел всё, как ты просил. И я не в претензии к синьорине Миранди, хотя она меня невзлюбила – это факт. Но с ней мы ещё подружимся – даю слово. А вот щенку Корнелли ногу я всё-таки прострелю.

– Подружитесь? Бог с тобой, Алекс! Не испорти всё. Я ведь тебя предупреждал – держись подальше от этой синьорины.

– Да я же не спорю. Что поделать, раз я не в её вкусе. Хотя ты рано списал меня со счетов, а ну как завтра мне удастся растопить её сердце?

– Боюсь, как бы она совсем не растопила твоё, Алекс! – усмехнулся Винсент.

– Ты шутишь? – Форстер коротко рассмеялся. – Если бы не ящик вина, Винс, я бы уже и думать о ней забыл.

– Уж я надеюсь, – произнёс Винсент без всякого оптимизма в голосе, – и мой тебе совет – Корнелли трогать и вовсе не думай! Его отец нынче в большом фаворе при дворе.

– Как скажешь.

Спорить с синьором Грассо Форстер не собирался. И говорить ему о том, что думает – тоже. Он понимал, что синьорина Миранди обижена на него, и может быть, даже за дело, но этой шарадой она зацепила его за больное. Хотя, не будь на том представлении Корнелли, он не придал бы этому всему такого значения, но...

Но он понимал, что обманывает себя, думая так. На самом деле его задело презрение Габриэль. Задело так сильно, что он готов был задушить проклятого капитана собственными руками. Хотя вины Корнелли в этом было как раз не так уж и много.

«Просто терпи их презрение молча – и всё получится».

Презрение Таливерда или Домазо он бы мог терпеть без проблем. Ведь он вынес когда-то немало издевательств ради спасения своего дома. Он научился быть глухим к подобного рода насмешкам победителей и ради Торговой палаты вытерпел бы их хоть триста раз, но...

Только не от неё.

Синьорина Миранди – совсем другое дело...

Впервые своё презрение к нему так открыто и недвусмысленно выразила женщина, которая ему понравилась. И что греха таить, этот вечер он всё равно предпочёл бы протанцевать с ней, чем с липкой Паолой или глупой Лучианой, пусть даже Габриэль снова назвала бы его дремучим гроу. Это было бы даже интереснее – снова расколоть её броню вежливого безразличия и увидеть, как пылко она защищается. Но она будто специально не отходила от капитана Корнелли, и к концу вечера Форстеру хотелось его пристрелить. Она унизила его, ударила в самое сердце, и эта обида не давала ему покоя. Весь день беседуя с дамами или танцуя, он не выпускал из виду светлое платье Габриэль с розовой лентой на поясе. И мысли у него в голове крутились противоречивые. Не то что бы ему хотелось отомстить синьорине Миранди, вернее, хотелось, конечно...

...хотелось до одурения заставить её забыть свои треклятые принципы. Хотелось снова увидеть, как пылает её лицо, когда она смущена, и как вздымается грудь, когда она на него злится...

...просто... ему хотелось, чтобы она поняла, что была неправа...

...чтобы извинилась перед ним.

Медведь бы его задрал! На кой ляд ему её извинения?

Но зачем-то они были нужны.

Может быть, потому, что сегодня он долго общался с её отцом, и готов был поклясться, что не встречал ещё такого умного и интересного собеседника, лишённого всяких южных предрассудков. Синьор Миранди представил его нескольким своим друзьям, и они оказались тоже довольно приятными людьми.

А вот Габриэль...

Строптивая «южная роза», выросшая в тёплом саду! Считающая его дремучим горцем и дикарём. Девушка, принципы которой не измеряются в шляпках и туфлях...

Так в чём же они измеряются, синьорина Миранди? В корзинах роз?

Интересно, с таким строптивым характером эта южная роза позволяла кому-нибудь себя целовать? Вряд ли...

А ему бы хотелось этого...

...поймать её в объятия и поцеловать...

...и чтобы она ответила...

...не убежала...

...чтобы сдалась под его поцелуями...

...и пылала не от возмущения...

– Алекс, твоей милостью мы только что проиграли пятьсот сольдо, о чём ты вообще думаешь? – вырвал его из мыслей голос Винсента.

Медведь бы его задрал!

Он только что прохлопал Огненного короля. Он смотрел в карты, а перед глазами стояло лицо Габриэль Миранди...

– Кажется, я уже сплю. Мы – горцы – ложимся спать с закатом, уж извини, – усмехнулся Форстер, – я пойду.

– Ты помнишь, что завтра нас ждёт синьор Таливерда? Так что вознеси молитвы Пречистой Деве, дубу или вороньему гнезду, или чему ты там обычно молишься насчёт везения, – махнул ему рукой синьор Грассо.

– Само собой, – буркнул Форстер, вставая. – Синьоры, имею честь откланяться.

Он спустился по лестнице и остановился, вдыхая тёплый ночной воздух.

Дела, в общем-то, шли неплохо. Домазо дал рекомендации герцогу, синьора Арджилли замолвила словечко, дамы были обласканы его вниманием, их мужья – нейтральны. Кучера, болонки, любовницы – все по списку Винсента – были довольны. Остался последний выстрел – завтрашняя встреча с герцогом Таливерда, но в том, что с ним всё пройдёт как по маслу, Форстер почти не сомневался.

Почти...

В голове всё ещё вертелись недвусмысленные намёки, которые делал сегодня синьор Домазо во время утренней встречи.

«Хотите совет, Мессир Форстер? Родство с влиятельной семьёй, безусловно, защитило бы вас. Вы ведь не женаты, насколько я слышал?»

– Нет, не женат.

– Что же, женитьба на одной из бари, на девушке из уважаемой семьи, принадлежащей к древнему роду – для вас это самый простой выход. Принадлежность к бари защитит ваши земли от грядущего закона, с условием, конечно, что вы перепишете их на жену или детей от этого брака. Ну, а уж если ваша жена будет близка к семье герцога... перед вами откроются поистине прекрасные перспективы! Надеюсь, вы понимаете...»

Он понимал.

Намёк был слишком явным – речь шла о Паоле Кавальканти. Подобный брак, безусловно, защитит Форстера от любых невзгод, включая закон об экспроприации. Правда, с мелкими оговорками: деньги Форстеру придётся держать в банках, принадлежащих семье Таливерда, шерсть продавать не напрямую, а через закупщиков оптовых компаний, принадлежащих семье Таливерда, перевозки будет осуществлять транспортная компания, принадлежащая, разумеется, семье Таливерда. Даже если Форстеру захочется чихнуть, то и нос вытирать ему придётся платком, принадлежащим этой всемогущей семье. Это почти то же самое, что просто отдать им Волхард. А ведь он столько лет потратил на то, чтобы избежать подобного. Он, конечно, не обязан следовать советам Домазо... Но Винсент просил к нему прислушаться: ведь то, что говорит Домазо, считай, думает герцог.

Прислушаться – да... Допустим... даже жениться.

Но не Паоле Кавальканти! Задери его медведь, если он на это пойдёт!

Хотя ради «прекрасных перспектив» другой бы на его месте душу заложил этому герцогу, потому что это, и правда, отличное предложение. И синьору Таливерда нужен такой предприимчивый человек, как Форстер.

Так что же ему ещё надо?

Отчего он весь день думает только об этой глупой шараде и о губах синьорины Габриэль? И почему ему всё сильнее хочется пристрелить проклятого Корнелли? Вернее, он всегда хотел пристрелить этого щенка, но сегодня это желание сделалось особенно острым.

* * *

На следующий день завершающим аккордом праздника должен был состояться традиционный *Carnevale di Alierte*. Каждый год синьор Таливерда устраивал его в честь уходящего лета в столице, в своём особняке. Но в этом году по случаю знаменательного события, да и потому, что в Алерте жара всё ещё была невыносимой, карнавал переехал в Кастьеру на виллу «Роза Боско». И гостей ожидалось даже больше, чем в первый день церемонии.

Carnevale di Costiera обещал стать самым грандиозным мероприятием, когда-либо проводившимся в доме синьора Таливерда, и все ждали его с нетерпением.

А на следующее утро после карнавала молодожёны должны были торжественно покинуть дом Таливерда – прекрасная Бланка теперь стала синьорой Росси и навсегда отправлялась жить в дом своего мужа.

В заключительный день торжества, по обычаю, утром был организован чайный салон – прощальный девичник, где синьора Росси принимала своих подруг уже в статусе замужней дамы. Мужчины туда не допускались и занимали себя сами: играли в сквош, курили сигары и пили бренди.

Синьор Таливерда покинул виллу ещё вечером – уехал в Алерту, и роль хозяина дома исполнял его старший сын: демонстрировал гостям ружья и новую свору сегуджио – великолепных гончих палевого окраса, подаренных отцу на недавний юбилей. Синьоры расположились в большой летней беседке, где вели неспешную беседу о перспективах осенней охоты на уток и зайцев и применении новомодного бездымного пороха. А пока синьоры отдыхали, слуги в парке неумолимо готовились к вечернему балу-маскараду: ставили шатры, украшали деревья фонариками и гирляндами, а перила – серпантинном.

Форстер и его друг уехали с рассветом. Синьор Таливерда назначил встречу в столице, и им следовало торопиться, чтобы успеть к вечернему карнавалу. Всю дорогу Винсент давал наставления и советы, и к концу пути Форстер почти перестал его слушать.

Всё, что говорил его друг, было правильно – что нужно последовать рекомендациям синьора Домазо и рассмотреть вариант брака с Паолой Кавальканти. Но сама мысль следовать советам друга вызывала у Форстера внутреннее сопротивление. Потому что заплатить за возможность спасти Волхард предстояло ценой вечной разлуки с ним. Женитьба на Паоле Кавальканти в итоге приведёт к тому, что ему придётся перебраться в Алерту, оставив семейное гнездо в руках управляющего. Жить в этом душном пыльном городе, схваченном тесным корсетом узких каменных улиц, с надоедливym шумом экипажей и криками торговцев за окнами, с дымкой влаги над морем, от которой не видно звёзд, таскаться по балам, вести пустые вежливые разговоры и со скукой наблюдать, как его глупая жена занята с утра до вечера нарядами и болтовнёй...

И как бы он ни пытался примирить себя с этой мыслью за те полтора часа, что они ехали в столицу, нужно сказать, что битву с собственной гордостью он в итоге проиграл. Если будет хоть малейший шанс избежать этого брака – он им воспользуется.

Они провели в приёмном покое палатца Таливерда не меньше часа, пока герцог принимал каких-то важных негодяев из Базиллы. И когда они, наконец, торжественно удалились, раскрасневшиеся и довольные, слуга махнул Форстеру – входите.

Чезаре Таливерда встретил его неприятным цепким взглядом. Молча указал на кресло, обтянутое парчой с геральдическим узором его дома, а сам сел напротив. Между ними остался лишь изящный столик, инкрустированный слоновой костью, на котором слуга разливал кофе

по маленьким фарфоровым чашкам. Обстановка кабинета давила своей мрачностью. Огромные семейные портреты в массивных позолоченных рамах – сплошь мужчины в орденских лентах и париках – гордость семьи герцога, казалось, они взирали с осуждением. Барельефы в простенках, тяжёлый бархат портьер цвета тёмного вина и стол вишнёвого дерева – всё массивное, основательное и дорогое, как и сам хозяин...

Герцог вблизи полностью оправдывал своё прозвище – Чиньяле.

Вепрь.

Сходство с диким кабаном ему придавали глубоко посаженные карие глаза под тяжёлыми надбровными дугами, кустистые брови и выражение какой-то затаённой свирепости на лице. Ну и ещё то, что герцог и правда имел тяжёлый характер.

– У тебя есть ровно столько времени, сколько я трачу на то, чтобы выпить этот кофе, – ответил он, беря в руки хрупкую чашку.

Форстер тянуть с ответом не стал. Он лишь повторил слова Домазо том, что готов «держат деньги в банках, принадлежащих семье Таливерда, шерсть продавать не напрямую, а через закупщиков оптовых компаний, принадлежащих семье Таливерда, перевозки осуществлять транспортной компанией, принадлежащей, семье Таливерда». И даже чихать только в платки с их монограммой. Единственное, что опустил Форстер, это женитьбу на Паоле Кавальканти.

Герцог усмехнулся через нос так, словно хрюкнул, и поставил чашку на стол. Кофе он выпил только наполовину.

– Что ж, ты довольно смел... и мне это нравится. И то, о чём ты говоришь – звучит неплохо. Но всё же оно не равно затраченным усилиям на спасение твоей горной деревни. Приноси твои овцы золотое руно – другое дело. А просто так завернуть закон, который уже рассматривает Палата представителей – дело непростое, и к тому же затратное. И я не думаю, что мне это нужно. У тебя есть ещё предложения?

Он переплёл унизанные перстнями толстые пальцы и уставился на Форстера немигающим взглядом.

– А если не завернуть закон? Лишь внести в него исключения...

– Исключения, касающиеся тебя? Возможно... Но мне бы не помешало услышать и о личных гарантиях. Не хотелось бы, чтобы через год ты со своей горской смекалкой соскочил с этой дороги, перестав чихать в мои платки, – герцог посмотрел исподлобья и прищурился, и от этого стал ещё больше похож на кабана. – Если уж ввязываться в подобное предприятие, то надолго. А для этого я должен держать тебя крепко за жабры, чтобы ты не вздумал меня дурить.

– Каких личных гарантий вы хотите, ваша светлость? – спросил Форстер, не отводя глаз.

– Говорят, ты нравишься моей двоюродной племяннице? Она, конечно, глупа, как пробка, но остальные достоинства такого брака, думаю, перекрывают этот маленький недостаток. А оговорка о том, что земли, принадлежащие семьям бари не подпадают под действие закона, и так уже внесена.

Значит, герцог хочет получить всё за просто так?

Проклятье! Да задери его медведь!

– Ваша светлость, благодарю, это очень заманчивое предложение, – Форстер развёл руками, придав своему лицу выражение растерянности, и соврал, не моргнув глазом, – но боюсь, я не могу им воспользоваться прямо сейчас. Не далее как вчера я просил руки другой синьорины и теперь ожидаю ответ от её отца. Сами понимаете, я не могу нарушить слова.

– И что это за семья? – снова прищурился герцог.

– Семья Миранди, ваша светлость.

– Ну, что же, я рад, что ты человек слова, – синьор Таливерда залпом допил свой кофе и встал, – если синьор Миранди тебе откажет – скажи об этом Домазо.

Он звякнул колокольчиком, давая понять, что приём окончен, и слуга тут же распахнул двери, приглашая Форстера на выход.

– Так, значит, он тебе отказал? – спросил Винсент, когда они уже сели в коляску.

До этого момента они шли по коридорам и галереям палатцо Таливерда молча, сопровождаемые лишь стуком собственных шагов по мраморному полу.

– Не совсем, – ответил Форстер, бросая шляпу на сиденье. – Но то, что он предлагает, почти равносильно тому, что сделает со мной этот проклятый закон!

– И что же такого он тебе предложил?

– Жениться на Паоле Кавальканти!

– И всё? Ну так это и я тебе предлагал. Чего ты упёрся? – пожал плечами синьор Грассо. – Надеюсь, ты согласился?

– Я сказал, что уже сделал предложение другой, – усмехнулся криво Форстер.

– И зачем? – удивился Винсент.

– Затем, чтобы не отказывать герцогу в грубой форме.

– Как он это воспринял?

– Он намекнул, чтобы я ещё подумал над этим. Как я понял, ему нужно либо всё, либо ничего.

– И как же ты решил выкрутиться из этой ситуации, мой друг?

– Ну, знаешь, если уж нужно непременно жениться на бари, то у меня есть кандидатура на этот счёт, и это точно не Паола Кавальканти.

Винсент усмехнулся и покачал головой.

– Какое внезапное решение! Но ты играешь с герцогом, мой друг. Не вздумай его дурачить. Если он узнает, что ты соврал – можешь забыть дорогу в столицу!

– А я и не соврал. Вернее, соврал, но совсем немного – я сказал, что сделал предложение вчера. А сделаю его сегодня. Эй, возница! Сверни на виа Орефиче, – крикнул он кучеру и добавил, повернувшись к Винсенту. – Нужно купить кольцо.

– Я перестаю тебя понимать, Алекс! Если уж ты решил жениться, то брак с родственницей герцога это если не флэш-роял*, то уж, как минимум, каре.* Так в чём дело? – голос Винсента вдруг стал серьёзным.

Прим. *(Термины, используемые в покере. Флэш-роял – самая выигрышная комбинация. Каре – одна из удачных комбинаций).

– А дело в том, мой друг, что я лучше сам сожгу Волхард, чем отдам его в руки этому жирному борову, провалиться мне на этом месте! – зло ответил Форстер, и было видно, что он расстроен и даже не пытается этого скрыть. – И я не собираюсь провести всю жизнь здесь, в этом каменном мешке рядом с глупой Паолой! Так что, раз уж выпали такие паршивые карты, то придётся блефовать до последнего.

– Этого я и боялся, – ответил Винс, – что ты не совладаешь со своей гордостью. Ты собрался надуть герцога? Скажи, а что ты будешь делать, когда синьорина Миранди тебе откажет?

– А с чего ты взял, что это будет синьорина Миранди?

– С того, что плохо ты блефуешь, Алекс!

Глава 7

О том, к чему приводят неискренние извинения

Утро в день карнавала выдалось чудесное. Прохладный ветерок с побережья разогнал вчерашнюю духоту и рассеял над морем дымку, а небо окрасилось в яркую лазурь, свойственную середине осени. Габриэль стояла у распахнутого окна, ожидая, когда Фрэн закончит битву с причёской, и задумчиво смотрела горизонт. Наступающий прекрасный день портило только одно обстоятельство – у неё не было никакого особенного маскарадного костюма.

Все девушки заранее готовились к празднику, заказывая у портних традиционные платья или изобретая что-то новое, особенное. Но стоили такие наряды очень дорого, и синьорина Миранди позволить себе их, к сожалению, не могла. Поэтому ей оставался лишь один простой путь, которым шли все девушки, стеснённые в средствах – примерить образ одного из ангелов. В её случае – ангела весны. Он вполне годился для соблюдения традиций – белое платье, розы в волосах и атласная маска, закрывающая только глаза.

Конечно, на фоне грандиозных платьев алертских модниц с их огромными кринолинами, крыльями, парчой, шлейфами и золотой пудрой на лицах она будет выглядеть, наверное, очень бледно. Не ангел весны, а, скорее, скорбящий ангел, как она мысленно себя назвала, разглядывая наряд в зеркале, но выбора у неё не было. Впрочем, произвести впечатление ей хотелось лишь на капитана Корнелли, а ему она нравилась в любом платье, и это немного успокаивало.

Кузина, наконец, победила непослушные локоны, и можно было идти на чаепитие, но на пороге их ожидал сюрприз. Выходя из комнаты, Габриэль едва не наступила в большую корзину роз, оставленную прямо за дверью. Разумеется, это привело Франческу в неописуемый восторг, потому что корзина была неприлично большой, а розы неприлично дорогими.

– Ну же, Элла, смотри быстрее карточку! От кого они? – воскликнула Франческа, затаскивая корзину в комнату. – Боооже! Какая прелесть! А запах! Просто волшебный! Ну, кто же там? Кто их прислал?

Габриэль взяла в руки карточку, но на ней была лишь короткая надпись: «Синьорине Габриэль Миранди».

Глаза Франчески округлились, потому что она была уверена – розы предназначались ей. По её мнению, она знала о своей кузине всё, и такой внезапный безымянный и дорогой подарок стал для неё полной неожиданностью.

Слишком шикарный подарок...

Подарок от того, кто явно хотел произвести впечатление – розы буквально кричали об этом всем своим видом. Корзина утопала в кружевах, её бока скрывала драпировка из белого атласа, розовые ленты обвивали ручку, и свежесть цветов не вызвала сомнения – их срезали на рассвете. А размер корзины был вообще неприличным – её с трудом можно было обхватить обеими руками. И по всему было видно, что это божественное творение прибыло сюда из самой дорогой цветочной лавки Алерты рано утром, и что стоило оно столько...

...что лучше просто не знать.

– Пречистая Дева! Элла! Ты знаешь от кого они? Неужели от капитана Корнелли? – Фрэн сложила ладони в молитвенном жесте. – О боже! Значит... Он в тебя влюблён!

Габриэль стояла с карточкой посреди комнаты, смотрела на розово-персиково-белое чудо и её снова захлёстывала волна злости.

Нет. Эти розы были не от капитана Корнелли.

Но она совершенно точно знает от кого они.

«И под натиском этих роз её принципы пали?»

Да чтоб вы провалились, мессир Форстер, вместе с вашим бараньим упорством! Да как же можно всё понимать настолько буквально!

– Не думаю, что они от капитана, – сухо ответила Габриэль и бросила карточку на туалетный столик.

– А от кого же тогда? Элла? – Фрэн перестала изучать украшения на корзине, и внимательно посмотрела на кузину. – Ты что-то скрываешь от меня?

– Я просто подумала, что мы так мало знакомы с капитаном... для таких дорогих подарков. Да и он бы подписал карточку. Не знаю, от кого это, – пожала Габриэль плечами, – очень странно.

– А с кем ты знакома достаточно для таких дорогих подарков? – спросила настойчиво Фрэн, не сводя с кузины глаз, а уж в деле выведывания чужих тайн она умела быть очень упорной. И поскольку Габриэль не ответила, то Франческа тут же домыслила сама: – А я, кажется, догадалась... Элла, ты же не хочешь сказать, что это, – она указала пальцем на корзину, – прислал мессир Форстер?

– Я ничего не хочу сказать, Фрэн! Я понятия не имею, кто это! – воскликнула Габриэль и внезапно покраснела.

– Неужели... ты мне... лжёшь? Ты никогда мне не лгала, Элла! – глаза Фрэн округлились. – Скажи... значит... ты и этот гроу... Да не может быть!

– Фрэнни! Что за ерунду ты несёшь! Что значит «я и этот гроу»? – вспылила Габриэль. – Я ненавижу этого Форстера! Я терпеть его не могу! Как ты можешь думать, что я и он... Пречистая Дева! Просто это всё отец... он сказал, что посылал матери розы, когда ухаживал за ней, а Форстер ответил с издёвкой «что её принципы пали под натиском этих роз»! И вот... Похоже, что «этот гроу» просто решил надо мной посмеяться. Чем ещё ты можешь объяснить такой вопиюще дорогой подарок? Он пытается опять кичиться своим богатством! Ведь это просто неприлично, ты же понимаешь? Ни один воспитанный мужчина не станет посылать такую охапку цветов! Такие подарки делают только всяким... актрисам! И... ну ты понимаешь кому! И вообще, я выкину их в окно!

Она схватилась за ручку, но Фрэн бросилась на защиту корзины, словно коршун.

– Ты что! Как можно выкинуть в окно такое чудо! Элла! – она загородила корзину спиной. – Давай просто сделаем вид, что мы... что ты не поняла от кого они. И пусть они тут стоят. Ладно? На них же не написано: «Нас подарил мессир Форстер».

– Фрэн! Но я-то знаю, что это он! И он знает, что я знаю! Как я буду смотреть ему глаза? Я верну их ему обратно!

– Ну... может, потом? После чаепития? Они так приятно пахнут...

– Хорошо, – сдалась Габриэль, понимая, что Фрэн вряд ли добровольно расстанется с корзиной, – но только сразу же.

Габриэль решила не спорить с кузиной. Она попросит у Форстера прощения, скажет, чтобы он забрал эту корзину, и объяснит ему, как неуместны такие подарки.

– Только, пожалуйста, никому не говори об этом! – попросила она кузину. – Обо мне и этом гроу и так болтают слишком много, а это... это ещё один повод для сплетен!

– Ладно! Ладно, я никому не скажу, – тут же согласилась Франческа.

Потихоньку уйдя с чаепития, так, чтобы не заметила Фрэн, Габриэль принялась бродить по парку в поисках мессира Форстера, а заодно набираясь решимости для разговора. Почему-то мысль об извинениях, казавшаяся замечательной вчера вечером, сегодня такой уже не казалась. И хотя Габриэль понимала, что нужно как можно скорее со всем этим покончить, но стоило ей представить, как при свете дня она будет смотреть в глаза «этому гроу» и извиняться, как силы её покидали. С одной стороны, её просто необъяснимо пугал такой разговор, а с другой, ей трудно было переступить через себя и свою злость, и она не знала, как победить это внутреннее сопротивление.

Наверное, это потому, что она не чувствует за собой вины. Хотя это дурно, и стоило бы всё-таки сходить в Храм. Ей не следовало его высмеивать, но... ведь, сказать по правде... Форстер это заслужил.

Его невоспитанность и самодовольство, его желание показать, как он богат, и что он плевать хотел на правила приличия – всё это не может оставаться без ответа. И почему никто до сих пор не поставит его на место?

Но сильнее всего ей хотелось, чтобы сегодня на празднике он больше не появился. Чтобы просто уехал в свою Трамантию – таким образом её маленькая этическая проблема решилась бы сама собой. И, кажется, Боги её услышали, потому что мессир Форстер и правда исчез, зато сразу после девичника появился Федерик со своими друзьями, и день пролетел незаметно, весело и непринуждённо. И к вечеру Габриэль и думать забыла об извинениях.

А когда солнце коснулось зубчатых краёв Травертино, к воротам виллы «Роза Боско» стали подъезжать гости – множество колясок с людьми в карнавальных костюмах. В парке зажглись фонари, заиграл оркестр, и оперная прима – прекрасная Консолетта – запела арию «Вечерние грёзы».

Франческа колдовала со своим нарядом Красной Королевы, и вся комната была завалена коробками, лентами, шпильками, нижними юбками из тафты и другими частями сложного многослойного платья. Служанка металась, подавая то одно, то другое, а Габриэль, чтобы не мешать в тесной комнате, оставила кухню наедине с зеркалом и отправилась немного прогуляться.

Она прошлась по парку и спустилась туда, где поблёскивал в лучах заходящего солнца небольшой пруд, окружённый зелёными лужайками. Домик для лебедей и рядом деревянный мостик, спрятанный в нежной вуали плакучих ив, чугунные скамьи у самого края воды и лиловые кувшинки располагали к размышлениям. Облокотившись на массивные перила, Габриэль сняла маску и задумалась, глядя на неподвижное зеркало пруда.

Сегодня, когда третий день праздника подходил к концу, ей стало грустно. Скоро она покинет Кастиеру и, возможно, навсегда. Что ждёт её дальше?

Нет, конечно, отец сказал, что весной его деньги, вложенные в строительство дороги, вернутся с лихвой, и они смогут выкупить из залога свой дом, но ей всё равно было тоскливо. Алерта её не привлекала – город хоть и весёлый, но в то же время шумный и суетливый, зимой слишком ветреный, а летом – жаркий и пыльный.

И хотя всю зиму в столице будут идти балы, новые спектакли и множество приёмов, Габриэль милее была Кастиера с её неспешной жизнью, красивыми морскими видами и свежим воздухом. А вечера у камина с книгой – приятнее столичных развлечений. Но больше всего она грустила от того, что ей придётся оставить здесь свой розовый сад – частицу своего детства и тех времён, когда они все были счастливы.

Сегодня она отчётливо поняла, что этот праздник в каком-то смысле – прощание с прошлой жизнью, с детством и юностью, что всё не будет так, как прежде, и, возможно, она уже никогда не вернётся сюда, не будет так весела и беспечна. И будущее, которое ждало её впереди, немного пугало.

Она думала о капитане Корнелли, о том, как он подробно расспрашивал её, где они будут жить в Алерте – его отпуск продлится ещё месяц и он хотел засвидетельствовать им с отцом своё почтение, будучи в столице. И эта его настойчивость, и то, как он ухаживал, как внимательно слушал её, как бережно держал, танцуя, его голос, становившийся тихим рядом с ней, говорили о том, что Габриэль ему нравится.

А ей были приятны его ухаживания. Но как девушка умная и здравомыслящая она боялась того, что непринуждённая атмосфера праздника рассеется, и капитан исчезнет точно так же, как исчезали и другие кавалеры из её жизни. Его отец – второй человек после

генерал-губернатора в Трамантии, его семья близка к королевскому двору, и едва ли такую девушку, как Габриэль, Энцо Корнелли позволят рассматривать всерьёз в качестве невесты.

А ей бы хотелось этого... Очень. Потому что капитан и правда ей нравился.

Но с тех пор, как Габриэль исполнилось шестнадцать, её не рассматривали всерьёз те, кто нравился ей. А тех, кому нравилась она, и кто готов был предложить ей руку и сердце – не рассматривал всерьёз её отец, как недостаточно достойных кандидатов. И к двадцати годам, зажатая между более чем скромным приданым и своим происхождением, она уже почти перестала надеяться на то, что в её жизни встретится человек, которого ей суждено полюбить и жить с ним долго и счастливо, как её родители. Или, если не полюбить, то хотя бы уважать и жить с ним в согласии. Или...

– Девушка в белом среди плакучих ив и лебедей – как романтично...

Голос Форстера, раздавшийся позади, вырвал её из размышлений, заставил вздрогнуть от неожиданности, и шёлковая маска, выскользнув из рук, упала на водную гладь пруда.

Форстер застал её врасплох, и она действительно испугалась.

– Знаете, это невежливо – так вот неслышно подкрадываться! – Габриэль сделала шаг назад.

– Моя «невежливость» всё ещё вас удивляет? – спросил он с улыбкой, облокотившись на перила мостика.

Форстер был не в карнавальном костюме, а, как и вчера, во фраке и белой рубашке, и, судя по всему, только что приехал, потому что на ходу пытался закрепить в петлице бутоньерку.

– По-моему, воспитанному человеку к «невежливости» нельзя привыкнуть, если вы об этом! – ответила Габриэль с досадой, провожая глазами тонущую маску. – Вашими усилиями мой костюм теперь остался без лица!

– Если это вас утешит, то настоящее лицо вам больше к лицу, уж простите за каламбур. Не думаю, что стоит его прятать, – Форстер посмотрел на скрывшийся в воде шёлк, и в его голосе появились какие-то тёплые нотки, – гораздо приятнее видеть вас вот так: в этом прелестном белом платье и с цветами в волосах, а не в уродливом футляре из парчи и перьев. Так что даже если бы ваша маска не утонула добровольно – её стоило бы утопить.

– Это такая неуклюжая попытка меня утешить или ваш очередной неуместный комплимент? – произнесла Габриэль с сарказмом, сделала ещё один шаг назад и принялась расправлять складки на платье, пытаясь совладать с волнением.

Свадьба подходила к концу, и она была уверена, что Форстер, наконец, уехал, поэтому её так напугало его внезапное появление.

Как он её нашёл? И зачем искал? Они ведь, и правда, здесь одни посреди плакучих ив...

И Габриэль изо всех сил попыталась спрятать свой испуг за дерзостью.

Не хватало ещё выглядеть перед ним трусливой курицей!

– Это и то, и другое, синьорина Миранди. Только не соглашусь, что комплимент «неуместный». Очень даже уместный – вы прекрасно выглядите, и слава Богам, что вы не измазали себя этой дурацкой золотой пудрой. А насчёт вашего «второго лица», которое утонуло так кстати – не переживайте: как видите, я тоже без маски.

– А вам стоило бы её надеть! Может, тогда ваше самодовольство не бросалось бы в глаза так явно.

И почему он так смотрит на неё? Пречистая Дева! Ну, ведь она же не собиралась ему грубить!

Сердце Габриэль забилось тревожно. После вчерашней шарады от Форстера можно было ожидать чего угодно. Из рассказов Корнелли она поняла, что горцы очень щепетильны в вопросах чести. И она снова отступила на полшага назад и стиснула пальцы. Оглянулась – несколько пар прогуливалось вдоль пруда, но довольно далеко. С одной стороны, это всё было нехорошо – они здесь одни, в уединённом месте... Это было так неприлично и... это её пугало.

Но с другой стороны – это было подходящее место, чтобы вспомнить своё обещание и извиниться. Прозрачные лёгкие сумерки смягчили черты лиц, и Габриэль подумала, что, может, это даже удачное стечение обстоятельств, что они здесь одни. Самое время всё прояснить, «съесть лягушку» – сделать самое неприятное, откланяться и навсегда покончить с этой неловкостью.

К тому же, как ни странно, Форстер вёл себя так, будто и думать забыл о вчерашнем. И это был хороший знак.

– И какую маску вы бы мне предложили? – он прищурился, чуть наклонившись вперёд, и улыбка исчезла с его лица. – Хотя после вчерашнего представления – могу догадаться...

Ну вот, зря она обрадовалась...

– Ваши намёки... довольно бестактны...

Она не договорила, вдохнула поглубже, и собрав все свои силы, чтобы быть спокойной и вежливой, произнесла, не глядя на Форстера:

– ...а, впрочем... это даже хорошо, что вы пришли.

– Правда?

– Да. Я хотела с вами поговорить, мессир Форстер, – ответила Габриэль и снова принялась разглаживать платье, стараясь выглядеть уверенной в себе и холодной, а на самом деле из всех сил набираясь храбрости.

Почему это так сложно – извиниться?

– Какое совпадение! Потому что я тоже хотел поговорить с вами, синьорина Миранди. Но, прошу, вы первая, – он сделал учтивый жест рукой, но почему-то это выглядело как насмешка.

Габриэль набрала в грудь побольше воздуха и, глядя на воду, туда, где между цветущих кувшинок только что исчезла личина ангела весны, произнесла на одном дыхании:

– Я хотела извиниться перед вами. То представление, свидетелем которого вы стали вчера – с моей стороны поступить так было бестактно и некрасиво. Мне очень стыдно, и я сожалею об этом, – она произнесла это быстро.

Даже слишком быстро.

Она полдня прокручивала в голове эти слова, и, кажется, разбудила её посреди ночи – повторила бы их без запинки.

Ну вот, «лягушка» съедена, и дальше Габриэль ожидала, что Форстер сгладит неловкую ситуацию – скажет, что уже и забыл об этом, и что тут нечего прощать или ещё какую-нибудь ни к чему не обязывающую вежливость. И на этом тема будет закрыта. Но он молчал. Повисла тягучая пауза. Габриэль оторвала взгляд от созерцания кувшинок и посмотрела на Форстера.

Он разглядывал её внимательно, чуть склонив голову набок, никакой насмешки – лишь глаза прищурены, словно он искал в её лице какой-то ответ, но так и не нашёл. Постучал костяшками пальцев по перилам и произнёс негромко:

– Какое торопливое извинение, будто за вами гнались... Позвольте спросить – а почему вы сожалеете об этом?

– В каком смысле «почему»? – с недоумением произнесла Габриэль.

– А какие в этом могут быть смыслы, милая Эля? – он снова улыбнулся. – Почему вы вдруг решили извиниться?

– По-моему, это глупый вопрос. Понятно ведь зачем люди извиняются! – ответила она и тут же прикусила язык.

Ну вот! Она опять сказала бестактность!

– Люди, да... А почему извинились именно вы?

– И что не так с моим извинением?

– А то, что оно прозвучало как-то... неискренне. Будто вы заучивали его на ночь вместо молитвы.

– Да как вы...

Она осеклась, не зная, как ответить ему вежливо, потому что отчасти он был прав. Но с другой стороны, ведь именно он спровоцировал её на этот глупый поступок с шарадой.

А теперь он хочет искренних извинений!

И она не знала, что сказать – всё, что приходило ей на ум, было либо грубо, либо бестактно, либо неприлично. Её переполняло раздражение, а красноречие, как назло, снова ей отказало.

Форстер лишь усмехнулся, глядя на её безуспешные попытки совладать с собой, и вдруг произнёс жёстко, с нотой горечи в голосе:

– Вам действительно жаль, что вы сделали больно другому человеку? Или вы решили извиниться потому, что вашими глупыми правилами предписано, что «воспитанная синьорина не должна так себя вести»? Вы сожалеете о том, что ваш поступок дурно истолкуют в обществе, и это подпортит вашу репутацию? Или потому, что вы понимаете, что издеваться над другими людьми, отличающимися от вас, низко? Так за что именно вам стыдно? – он чуть подался вперёд, его глаза впились в неё цепко, и он всем своим видом снова стал напоминать хищную птицу. – И стыдно ли на самом деле? А может, это всё – такое же представление, как вы устроили на сцене вчера? Или соблюдение дурацкого этикета? Ну же, ответьте – вы сказали это потому, что это правильно с точки зрения ваших приличий, а не потому, что вы это чувствуете? Ведь так? Если так, то не стоило утруждать себя извинениями.

Габриэль ощутила, как кровь приливает к щекам, как раздуваются ноздри и всё то, что она эти три дня прокручивала в голове, рвётся наружу. Она сделала над собой невероятное усилие, чтобы принести извинение, и от него требовалось лишь принять его. Но ему, разумеется, захотелось её проучить.

Да кто он такой, чтобы читать ей тут проповеди с видом оскорблённого праведника!

Она-то думала, что к его неподобающему поведению нужно отнестись снисходительно: ведь он горец, и недостаток воспитания – его беда, а не вина. Но, как оказалось, мессир Форстер прекрасно понимал, как нужно себя вести, вот только не хотел этого делать, потому что испытывал к южанам только презрение.

И она знала, что будет сожалеть об этом, но сдерживать себя больше не могла. Габриэль выпрямилась и, глядя ему прямо в глаза, спросила, копируя его манеру речи и вложив в слова весь сарказм, на который была способна:

– А вы, мессир Форстер, спросили меня об этом потому, что вам так важна искренность? Или вам просто в очередной раз захотелось унижить меня? Вся эта проповедь нужна была лишь для того, чтобы назвать меня лицемеркой? Или вам и правда было больно? Моя вчерашняя шутка так вас задела? Если «да», то значит, вы не так уж и гордитесь тем, как зарабатываете на жизнь. Вы втайне стыдитесь этого, хотя совсем недавно говорили мне обратное! И кто теперь неискренен? Кто из нас лицемер?

Форстер скрестил на груди руки, и его синие глаза стали почти чёрными. Наверное, он не ожидал от неё такого отпора и резкости, потому что на какой-то миг замешкался, словно раздумывая над этими словами, а потом сказал негромко:

– Мы ещё поговорим обо мне, синьорина Миранди. Но я спросил первый и хотел бы услышать ваш ответ. Если вы, конечно, снова не струсите сказать правду. Как трусили на сцене с вашей шарадой. Так я был прав? Ваши извинения – ложь? Вы не можете быть честной, и поэтому всё время прикрываетесь глупым этикетом? Почему вы так цепляетесь за все эти смешные правила?

– «Смешные правила и глупый этикет», мессир Форстер, создают общество, в котором все поддерживают друг друга. И именно эти «глупые правила» отличают нас – цивилизованных людей – от дикарей, вроде...

Она замешкалась, понимая, что сказала грубость, и закусила губу, чтобы не сказать ещё большую грубость, и даже разозлилась на себя за это: ведь она хотела быть вежливой и сдержанной.

– ...дикарей вроде меня? – продолжил Форстер её фразу. – Или вроде гроу? Вы ведь это хотели сказать, синьорина Миранди? – казалось, он явно наслаждается её промахом – таким довольным было его лицо и таким цепким взгляд синих глаз. – Так ответьте на мой вопрос: к чему тогда были ваши извинения, если вы считаете меня дикарём? Это была просто попытка сохранить лицо? Побывать милой воспитанной южанкой? Ну же? Честность на честность, синьорина Миранди. А потом я отвечу на ваш вопрос о том, чего я стыжусь, а чего нет.

Было видно, как забавляет его этот разговор, как внимательно он всматривается в лицо Габриэль, а на его собственном лице при этом отражались противоречивые эмоции. Казалось, что ему одновременно и смешно, и немного обидно, а ещё – очень любопытно.

– Честность на честность? Извольте! – выпалила Габриэль, понимая, что уже никакие приличия на свете не удержат её от того, чтобы сказать этому наглецу всё, что она думает. – Я решила извиниться не ради вас, а ради себя. Потому что настоящая южанка не должна идти на поводу у грубости и невежества! Не должна опускаться до такого уровня, за которым теряются всякие границы воспитания. Увы, я не смогла остановиться и сожалею об этом, – она всплеснула руками, – ведь грязь, как известно, липнет к тем, кто прикасается к ней. Но я бы извинилась, будь на вашем месте кто угодно! Как и вам следовало сразу же извиниться за ваши рассуждения о том, что принципы любой девушки можно купить за пару шляпок и туфель! Особенно учитывая то, что о них узнали посторонние. Вы говорили обо мне гадкие вещи! Вы унизили меня перед обществом. Вы были неправы, и любой воспитанный мужчина, обладающий внутренним благородством, извинился бы за подобное мнение. И ему было бы стыдно, что оно стало достоянием общественности. Но вам, наверное, нужно ещё объяснить, что такое «внутреннее благородство»?

В последние слова она вложила весь сарказм, на который была способна.

– Какая пылкая речь, синьорина Миранди... – Форстер сделал паузу, посмотрел на темнеющую гладь пруда и зажжённые фонари, которые слуги спускали на воду с мостков, и продолжил уже без всякой насмешки: – Хорошо, честность за честность. Но сначала давайте-ка кое в чём разберёмся. Я не извинился не потому, что не обладаю, как вы выразились, «внутренним благородством», а потому что не чувствую вины за свои слова. А извиняться в силу традиций – увольте! Я действительно сказал, что принципы любой девушки не устоят против новой шляпки и туфель. И это было сказано в личной беседе в тех выражениях, в которых я привык общаться с друзьями. В этой ситуации стыдно должно быть тому, кто подслушал его и сделал достоянием общественности. Так вот, туфли и шляпки в данном случае лишь метафора, фигура речи. Смысл в том, синьорина Миранди, что я вошёл сюда «презренным гроу», как изволила выразиться одна достопочтенная синьора, а по прошествии двух дней добрая треть этих милых дам готова отдать за меня замуж своих дочерей. И всё потому, что синьор Грассо шепнул им на ухо пару слов о размерах моего состояния. Их принципы тут же были принесены в жертву возможности регулярно иметь в гардеробе новые туфли и шляпки, не смотря даже на «мой способ заработка», как вы изволили выразиться. И это уже не фигура речи. Поэтому я не вижу необходимости извиняться за то, что является правдой...

Форстер скрестил руки на груди и добавил уже мягче:

– ...Но это всё неважно, потому что поговорить с вами я хотел совсем о другом. И пусть ваши извинения неискренни, я всё равно их принимаю и совсем не сержусь на вас за эту детскую шараду, потому что...

О, Боже! Какая снисходительность!

Кажется, Габриэль в жизни не испытывала такой злости, она даже топнула ногой и, махнув сложенным веером, в нарушение уже всяких приличий прервала мессира Форстера, воскликнув:

– Вы не желаете извиняться, тогда и я беру свои извинения обратно, раз, по-вашему, они неискренни! Вы... вы отвратительны в самолюбовании своим богатством, мессир! Вы говорите, у вас есть внутреннее благородство? Как бы не так! Оно не присуще нуворишам вроде вас! Внутреннее благородство не позволяет воспитанным людям кичиться тем, что они богаты! И уж тем более не позволяет им кричать на каждом углу о том, что они могут купить любую женщину, как какую-нибудь овцу! Вы могли просто извиниться за свои слова, даже если в душе с ними не согласны! – воскликнула Габриэль, взмахнув руками.

Она попыталась разложить веер, чтобы как-то унять волнение, но веер выскочил из рук и упал на мостик, и Форстер тут же наклонился, поднял его, но не отдал Габриэль, а произнёс, не сводя с неё глаз:

– И кто из нас лицемер? – он усмехнулся. – Вы же просили честности, синьорина Миранди. А быть честным – это как быть голым. Не всегда красиво, и не всем нравится. Я называю вещи своими именами, а вы предпочитаете смотреть на удобную ширму. Вы прекрасно понимаете, что прячется за ширмой, но делаете вид, что так и надо. Но глубоко внутри вы знаете, что я прав насчёт «принципов, туфель и шляпок». И поэтому злитесь на меня...

Он чуть наклонился вперёд, и тон его голоса снова изменился, стал совсем другим, ещё более серьёзным:

– ...Поверьте, я сожалею о том, что произнёс тогда эти слова, но не за их смысл, а потому что они были вам неприятны – и лишь поэтому. Считаю ли я, что вас можно купить за дюжину шляпок? Хм. Надеюсь, вы не утопите меня в пруду, как эту маску, но я изучил финансовое положение вашей семьи, Элья...

– Что? – Габриэль чуть не задыхнулась от этой наглости. – Да как вы... Да кто дал вам такое право!

– Погодите возмущаться. Дослушайте сперва. Ваш отец, безусловно, прекрасный, умный и очень интересный человек, но во всём, что касается денег, он – полный профан. Он ввязался в одно очень сомнительное финансовое предприятие и совсем не понимает, как управлять ситуацией. И не осознаёт, чем это может закончиться. И, судя по тому, что я от него слышал, он собирается рискнуть всем, что у вас осталось. Я, конечно, дал ему несколько советов, но для человека, ничего не знающего о рынке ценных бумаг, они – как утопающему соломинка. Если так пойдёт дальше, то к концу зимы ваша семья останется без единого сольдо. Вам следует подумать о себе, Элья. Что вы будете делать, когда это случится? – спросил он негромко.

Габриэль показалось, что у неё даже горло перехватило от такой наглости.

Он изучил их финансы? Милость Божья!

– Как вы смеете говорить такое? Какое вам вообще до этого дело? И кто позволил вам копаться в делах нашей семьи? С чего вы вообще взяли, что я нуждаюсь в ваших советах? – выпалила она, шагнув навстречу Форстеру.

Если бы можно было вклеить ему пощёчину, она бы так и сделала, но её удержали от этого последние остатки благоразумия. Хотя... они были одни на этом мостике, и плевать, что подобное непозволительно – Габриэль было уже всё равно. И если бы он снова усмехнулся, она бы ударила его, не задумываясь, но Форстер лишь похлопал веером по перилам и произнёс без всякого сарказма:

– Может, это и не моё дело... Может, вы и не нуждаетесь в моих советах, но кое-что о вашем «зефирном обществе», «в котором все поддерживают друг друга» вы должны знать. Оно будет молча наблюдать, как тонет ваша семья, вздыхать и называть вас «бедняжкой». А когда вы окончательно пойдёте ко дну, совсем как ваша маска, все просто отвернутся, и никто не станет вам помогать. Потому что вы больше не сможете позволить себе вести такой образ

жизни, какой соответствует их представлениям о приличиях. Вы станете обществу не нужны. Знаете, что вас ждёт, Габриэль? – он снова похлопал веером по перилам и добавил резко, не считая нужным щадить её чувства: – О вас говорят, что вы умная девушка. Перестаньте быть ребёнком, перестаньте злиться на меня из-за всяких глупостей и посмотрите правде в глаза. Вас ждёт участь чьей-нибудь приживалки – экономки богатой родственницы, живущей на мизерное жалованье. Либо жены торговца тканями, посудой или бакалейщика. И как скоро общество, за которое вы так цепляетесь, вышвырнет вас наружу? В их понимании, выйдя замуж за лавочника, вы опозлаете и станете недостойны этих прекрасных садов, – он указал её веером на темнеющие в сумерках деревья, – а став экономкой или гувернанткой всё, что вы получите – вечное снисхождение к так называемой вашей «незавидной участи». И воспринимайте это как совет, – он снова понизил голос и произнёс негромко и даже с каким-то участием, – но сейчас у вас только один выход, Элья – смирить свою гордость и продать подороже то, что у вас ещё осталось: вашу молодость, красоту и родовую кровь, чтобы удержаться на поверхности. И если вам удастся сделать это не за «дюжину шляпок» – я искренне извинюсь перед вами за все свои слова – увы, в этом мире всё продаётся и покупается, Элья, не за пару туфель, так за дюжину, не за дюжину, так за сотню. И вы в том числе. И я.

Это стало последней каплей. Самым болезненным ударом по её самолюбию, потому что...

Потому что кое в чём он всё-таки был прав, дьявол бы его побрал!

«Бедняжка».

Именно так они уже называли её. Именно это она слышала вчера, прячась от Форстера в тёмных арках галереи внутреннего двора, где две синьоры обсуждали её незавидную участь. И горькое осознание этого окончательно сорвало все покрывала воспитания, приличий и этикета. Ей стало всё равно. Она сделала ещё один шаг навстречу и, уже не беспокоясь о том, что их кто-то услышит, воскликнула:

– Вы очень верно подметили, что вы продаётесь! Синьор Корнелли рассказал мне кое-что о вас. И я знаю о цели вашего визита сюда...

– Этот мерзавец Корнелли – последний человек, которого стоило бы слушать, синьорина Миранди! – резко перебил её Форстер.

– ...попасть в Торговую палату – вот о чём вы мечтаете? Жениться на бари? Вы за этим обхаживали местных «дурнушек», не так ли? И старую каргу Арджилли? – произнесла она саркастично.

Её слова хлестали, как пощёчины, лицо пылало и горели глаза, и подойдя к нему ещё ближе, так, что между ними осталось расстояние меньше вытянутой руки, она выпалила, глядя ему прямо в глаза, без всякого стеснения:

– ...Хотите честности? Так получите её! Это вы, мессир Форстер, приехали продать себя подороже и теперь меряете всех этой меркой, думая, что все вокруг продажны. Это вас за глаза называют «овечий король», но вы молча глотаете это! Вы позволяете насмехаться над собой, и это ваша плата за возможность стать одним из нас! И при этом вы всё это презираете. Всё верно – вы продажны. Вы присягнули королю в то время, как ваша семья поддерживала бунтовщиков. «Утром молитесь овцам, а вечером – волкам» – так говорят о таких, как вы? И ваша попытка изображать честность – отвратительна и лицемерна, потому что в глубине души вам самому стыдно за то, чем вы занимаетесь! Вы нашли меня, чтобы выместить на мне вашу досаду на южан, думая, что я не могу вам возразить? Вы жестоко ошиблись на мой счёт, мессир Форстер – я вам не какая-нибудь овца из вашего стада! И не ваше дело, что будет дальше с моей жизнью! Если наша семья останется без единого сольдо – ничего! Я пойду работать, но останусь независимой и уж точно не стану продаваться кому-нибудь, вроде вас, за дюжину шляпок и туфель!

– Пфф! Работать? – усмехнулся Форстер, но в его глазах не было веселья. – Вы хоть понимаете, что значит это слово? Вы так молоды и самонадеянны и не знаете, как жестока может быть жизнь с такими прелестными самонадеянными женщинами. Но, милая Эля, хоть вы и вывалили меня в грязи, назвали дикарём и... к дьяволу всё это! Забудьте всё, что я вам сейчас наговорил! – голос его внезапно стал тихим и мягким, наполненным какой-то странной заботой: – Это неважно. Давайте забудем уже про эти глупые принципы и шляпки! Я не ругаться с вами пришёл. Наоборот, я хотел предложить вам помощь и...

– Помощь? От вас? После всего, что вы сказали? – перебила его Габриэль. – Видимо, у гроу нет не только воспитания, но ещё и чувства юмора!

Она хотела рассмеяться, но внезапно поняла, что стоит к нему слишком близко, и что он молча смотрит на её губы, и смотрит так странно, а глаза у него почти чёрные...

И она испугалась. Испугалась всего, что только что произошло: того что она сказала, этой опасной близости, и его взгляда, от которого сердце ушло в пятки, и того, что они одни посреди этих плакучих ив. И страх, смешавшийся со злостью и обидой, заставил её сделать то, что воспитанная девушка вряд ли бы сделала, будучи в своём уме.

Габриэль грубо выдернула веер из его рук и, шагнув почти вплотную, глядя ему в глаза, произнесла негромко, но резко, и фразы её были совсем как пощёчины:

– Катитесь к дьяволу со своими советами, танцами, платочками и корзинами роз, мессир Форстер! Чтоб вы провалились! Я от всей души желаю, чтобы вам всё удалось: соблазнить старую каргу Арджилли, жениться на самой страшной девушке с этой свадьбы, торговать вашими овцами по всей Баркирре и заработать пятьсот тысяч ливров или сколько вы там хотите! И я надеюсь, у вас хватит ума не явиться завтра к нам на чаепитие, или, клянусь всеми Богами, я надену вам на голову свой десерт!

Она развернулась и бросилась бежать, понимая, что в жизни не говорила ничего столь ужасно грубого.

Глава 8

О том, к чему приводят искренние извинения

– Вот дурное это дело, синьорина, принимать у себя какого-то гроу! Мало того, что без роду-племени, так ещё и знает его синьор без году неделя, – бормотала Кармэла, натирая фланелью ложки, – не к добру это. И вообще, принимать гостей в день Великих Мучеников – плохой знак.

– Вот ты и скажи это синьору Миранди, – фыркнула Габриэль, доставая сервиз и серебро из буфета.

– А я и сказала, – ложки недовольно звякали, падая на поднос, – да только он слушать ничего не хочет! Как дитё, ей-богу, всё со своими игрушками носится – разложил эти варварские ножи и стрелы, и амулеты с костями, да простит меня Пречистая, мерзость-то какая, тьфу! Я бы уж давно в печь их выбросила, кабы он так над ними не трясся.

– Меня он тоже не слушает, – ответила Габриэль рассеянно. – Я не больше твоего хочу видеть здесь этого невоспитанного северянина.

Габриэль пыталась поговорить с отцом сегодня утром, но он лишь отмахнулся со словами:

– Дорогая, не понимаю, почему ты так предвзята к мессину Форстеру? Он прекрасный человек, начитанный, умный, и при его капиталах – совсем не заносчив. К тому же весьма отзывчив – он дал мне несколько дельных советов по вложению денег, так что скоро мы разбогатеем, – синьор Миранди обнял дочь и добавил с улыбкой, – сможем выкупить наш дом, и всё будет как раньше. Прошу тебя – будь с нашим гостем поласковее...

Габриэль возражать не стала. Какой смысл рассказывать отцу о том, что говорил о ней этот гроу? Он всё равно найдёт ему оправдание, в лучшем случае посоветует ей «не обращать внимания на предрассудки и светские сплетни».

– А правда, что гроу ходят в овечьих плащах и все увешанные кинжалами? – спросила Кармэла, с прищуром разглядывая зубцы серебряной вилки. – Он, вообще, хоть как выглядит-то? Шибко страшный?

– Нет, Кармэла, он... – Габриэль задумалась, не зная, как описать Форстера, но потом добавила, пожав плечами: – ...обычный. Ты и не поймёшь, что он гроу, пока...

Она снова задумалась.

– Пока что, синьорина?

– Пока не... заговоришь с ним. А вот в разговоре он...

– Ну, чего он-то? Скабрёзничает? – нетерпеливо спросила служанка.

– Хуже. Он... позволяет себе говорить всякие гнусности...

– Гнусности? Силы небесные! В присутствии дам? – Кармэла так и замерла с вилок в руках.

– К сожалению, да. Не только в присутствии, но и дамам. Вот поэтому я и не хочу его видеть.

– Пречистая Дева! – служанка прижала ладонь ко рту, а потом произнесла воинственно: – Ну, ежели он при мне такое что скажет, я, синьорина, могу и чайник ненароком уронить... ему на ноги. Вы же знаете, я такая неловкая. А лучше – варенье! Пускай потом его слуги отстирывают ему штаны, грубияну! А вы не расстраивайтесь, синьорина Элла, я вас в обиду не дам, я много чего могу уронить ему на штаны, вон хоть бы эклеры с кремом. И вытереть потом так, что он в этих эклерах по самые уши будет, прости меня Дева Пречистая! Всяко он будет штанами занят, а не гнусностями.

Габриэль грустно улыбнулась и вздохнула.

– Спасибо, Кармэла, но не надо. Не хватало ещё, чтобы он подумал, что мы не умеем быть гостеприимными, – Габриэль уронила ложку, положив её мимо стола.

За этот день она умудрилась разбить чайную пару, перевернуть вазочку с вареньем и опрокинуть стопку белья прямо в таз с золой. А всё потому, что не замечала происходящего вокруг, прокручивая без конца в голове вчерашний разговор.

Встреча с Форстером у пруда испортила всё ощущение от праздника, и если бы только это! Много позже, в саду, её, наконец, нашла Франческа, которой сложный наряд Красной Королевы мешал быстро ходить, и, усадив на скамью, взволнованно прошептала:

– Ах, Элла! Что я узнала!

Ах, Фрэнни! Лучшие бы ты не говорила этого!

Лучше бы ей было не знать, что синьор Грассо и этот «мерзкий гроу» ещё в первый день поспорили, что к концу свадьбы Габриэль будет мечтать о том, чтобы Форстер сделал ей предложение.

– Это всё Селеста! Нет бы сказала мне всё сразу, ещё в первый день! – Фрэн сочувственно сжала руку Габриэль. – Она, видите ли, забыла! А я знаю – не забыла она. Это она всё назло Паоле сделала, ты же знаешь какая она завистливая и жёлчная. Паола ещё по их приезду глаз положила на этого гроу, а Селеста, да простит меня Пречистая, слышала, как та им восхищалась, вот и не сказала – назло. Решила, пусть этот гроу тебя добивается, а не Паолу, вот и промолчала об этом споре. Я бы тоже не узнала, да она случайно проболталась: слишком много пунша выпила, и...

Фрэн тараторила без умолку, а Габриэль сидела, глядя прямо перед собой.

Так вот почему он так вёл себя! Вот к чему все эти платочки, приглашения на вальс, корзины роз и обхаживание её отца! Всё это – его упорство. Эти разговоры у пруда и советы... Всё из-за ящика вина? Боже, как низко!

Но теперь все будут говорить об этом так, будто она и правда ждала этого предложения. Трудно было придумать что-то более отвратительное!

Общество ведь ради развлечения всегда предпочтёт скучной правде пикантную ложь.

– Мы с девочками решили, что не будем теперь танцевать с этим гроу ни за что! Говорить такое никому не позволительно! Но, ты знаешь, Джованна, Лучиана и Паола – отказались! Ну, от Паолы-то я другого и не ожидала, но Лучиана, вот ведь подлая...

Фрэн взахлёб принялась рассказывать подробности бойкота, который разделил девушек на карнавале на два лагеря, но Габриэль её почти не слушала. Она думала о том, что по вине Форстера снова стала мишенью для светских сплетниц, что теперь только ленивый не будет обсуждать её положение и называть её «бедняжкой». Девушкой, из-за которой спорили на ящик вина, девушкой, чья цена – дюжина шляпок!

Милость Божья! Да за что ей такое наказание?

– Ненавижу его! – произнесла она вслух, глядя прямо перед собой. – Ненавижу его! Ненавижу! Фрэнни?

Она накрыла руку кузины своей ладонью и, глядя почти умоляюще, произнесла:

– Приходи завтра к нам на чаепитие? Отец пригласил этого Форстера, и я не знаю, что делать! После всего этого я не смогу сидеть с ним за одним столом! И уйти нельзя.

– Ох, милая! Знаешь, я как-то его побаиваюсь... А, кстати! Если взять Федерика и...

Габриэль схватила её за руку и воскликнула, не дав договорить:

– Точно! Давай пригласим их всех! Уж я-то знаю, как Форстер ненавидит капитана Корнелли! Их трое, а он будет один!

И Франческа идею с восторгом поддержала.

А вот сегодня утром вся затея с чаепитием, на котором сойдутся этот гроу и капитан Корнелли с друзьями, стала казаться Габриэль очень глупой. Собрать врагов за одним столом – мало ли чем такое может закончиться. Не хватало ещё, чтобы получился скандал или какая-

нибудь перепалка. Поэтому в душе она очень надеялась, что после вчерашнего Форстеру всё-таки хватит благоразумия не приходить.

Но... она ошиблась.

Форстер явился точно в срок, даже чуть раньше, с коробкой от кондитерской мэтра Эспозито, в которой оказались самые дорогие пирожные, какие только можно было купить в столице.

Встречей и приёмом гостя занялся синьор Миранди. Он, прихватив бутылку лимонного ликёра, тут же повёл Форстера в свой кабинет показывать монографию по туземным обычаям Бурдаса и свою коллекцию оружия, а пирожные перепоручил Кармэле.

Габриэль встречать гостя не вышла.

Она пряталась в своём саду, срезая засохшие цветы, и очень надеялась, что спасительная помощь в виде Фрэн, её кузена и капитанов Моритта и Корнелли явится до того, как ей придётся выйти к столу. Но помощь медлила, а через некоторое время на дорожке появились Форстер и синьор Миранди, направляясь в беседку, и отец принялся махать ей рукой. Габриэль вздохнула и пошла к ним.

Она ничего не скажет этому гроу. Не смотря даже на то, что после вчерашнего рассказа Фрэн её ненависть к Форстеру достигла своего апогея.

Как и просил отец, она будет вежливой.

Она будет молчать и вести себя безразлично...

Она будет односложно отвечать на его вопросы...

Она не будет на него смотреть...

Пречистая Дева, дай мне сил!

Может быть, тогда он, наконец, поймёт, что ему здесь не рады. И она очень надеялась, что это чаепитие станет её последней встречей с Форстером.

– Синьорина Габриэль, – он церемонно поцеловал её руку, – рад вас видеть. Надеюсь, вам понравился вчерашний маскарад?

– Да. Очень. Было чудесно, – ответила Габриэль, сделав вид, что не заметила издёвки, прозвучавшей в его словах.

Она присела, стараясь смотреть на сад, всем своим видом показывая спокойствие и благоразумие и пряча под столом руки, которые терзали батистовый платок. Впрочем, синьор Миранди занял всё внимание гостя, задавая ему один вопрос за другим, и тот вынужден был отвечать.

Габриэль сделала два глотка, а к пирожным даже не притронулась. Все её силы ушли на то, чтобы ничем не выдать тех страстей, что бушевали у неё внутри.

Она невольно слушала рассказы Форстера, разглядывая узор на чашках, и в другое время отметила бы, что рассказчик он прекрасный. В этот раз в его историях не было никаких кровавых подробностей, наоборот, в паре мест ей даже хотелось рассмеяться, но она подавила улыбку усилием воли. Не стоит давать ему повода думать, что он хоть немного ей интересен.

– Синьор Миранди, с моей стороны как-то невежливо, я ведь обещал Габриэль посмотреть её сад, а мы всё говорим о кинжалах и ружьях, – внезапно произнёс Форстер, – вы будете не против, если ваша дочь покажет мне предмет своей гордости, а затем мы продолжим нашу беседу?

Габриэль чуть чашку не выронила из рук.

Вот же подлец!

– Разумеется! – воскликнул синьор Миранди. – Вы правы, она очень им гордится. Его заложила ещё покойная синьора Миранди. Жаль будет с ним расставаться. Элла, покажешь сад нашему гостю? А я отдохну немного тут, что-то снова колено побаливает...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.